

С каждым ударом сердца

Автор:

[Полина Гриневич](#)

С каждым ударом сердца

Полина Гриневич

Один шаг, сделанный под влиянием эмоций, и ты оказываешься в другом мире. Мире, неуловимо похожем на твой родной и одновременно бесконечно чужом. Мире, в котором новая религия пытается овладеть сердцами людей, наука – изменить их жизнь, а старые хозяева – найти для себя новые способы удержаться у власти. Мире, в котором легенды уже почти умерли вместе с магией. Но что если ты и есть одна из этих легенд? Легенда, которая способна разрушить весь мир. Есть ли кто-то способный спасти тебя от себя самой? Можешь ли ты отказаться от своих чувств ради окружающих тебя людей, сделать правильный выбор? А мир – нуждается ли он в спасении?

Полина Гриневич

С каждым ударом сердца

У благородных драконов нет друзей. Понятие, самое близкое с точки зрения дракона к понятию друга, – это враг, который еще жив.

Терри Пратчетт. “Стража! Стража! ”

Драконам иногда бывает холодно.

Так холодно, что рядом может замерзнуть несколько городов.

Ян Словик. “Трактат о драконах”

Любовь Дракона никогда не имеет ничего общего с его ненавистью.

Они никогда не переходят друг в друга.

И могут существовать параллельно, не мешая друг другу.

Ян Словик. “Трактат о драконах”

Капля крови

Падение

Звук в тишине

Выбор

Любовь

Или Любовь

Для меня

Для них

Для всех

Для сердца

Для капли крови

Летающей в тишине

В темноте

Пролог

...И перед ней раскинулась бесконечная синева. Купол неба сине-черный, такой, каким бывает в последний момент, в мгновение, когда солнце вот-вот исчезнет, скроется за горизонтом, упирался в морскую гладь, играющую последними солнечными бликами. Это единение стихий словно в необыкновенной сказке притягивало и манило своим спокойствием и великолепием. Над головой, местами, в вышине уже проступили звезды, а где-то внизу, невидимое глазу, едва слышимое шипение волн, набегающих на прибрежную полосу песка, словно пыталось убедить, что картина, представшая перед ее глазами – реальность.

В это сложно поверить, но это была реальность. Каменная поверхность под ногами нагрелась под солнечными лучами и почти обжигала, запахи моря, запахи растений нахлынули словно из ниоткуда. И она не могла не почувствовать ветер, ветер, который налетел, приятно касаясь мельчайших волосков на коже, и заставил поднять руку, чтобы удерживать разлетевшиеся длинные пряди. Налетел и почти немедленно исчез, оставляя кожу нежиться в закатных солнечных лучах. Лето, настоящее южное лето!

Камешки впивались в босые ноги, но она просто не могла противиться желанию заглянуть скосить взгляд вниз, за край каменной скалы, она сделала один осторожный шаг, потом второй, звук волн внизу стал чуть громче. И этот шепот манил, напевал необыкновенную мелодию.

До края оставался, может быть, только шаг, когда она вдруг поняла, что не знает, как здесь очутилась. Это было невозможно, еще секунду назад она была у себя дома и пыталась справиться с горькими эмоциями, чувствами, не оставляющими никакой надежды на то, что все будет как раньше, с гневом, которой нарастал в ней и пытался вырваться наружу. Ее гнев, о, нет, у нее не бывает гнева. Это не она, это была не она.

Девушка не могла заставить себя подойти к самому краю. Нет, не сейчас, она еще может остановиться. Внезапно яркие краски потускнели, словно все, что она видела и ощущала, весь этот сверкающий мир погрузился в тень. За спиной раздался вздох, глубокий, совершенно нечеловеческий и протяжный, словно кто-то долго сдерживал дыхание, наблюдая за нею.

Ветер, горячий, словно из печи, опалил спину и заставил машинально сделать еще один маленький шаг на самый край скалы и оглянуться медленно-медленно. Она закрыла глаза, как в детстве, когда кажется, что нельзя заглядывать под кровать ночью. Но ведь она не ребенок, и поэтому откроет глаза. Нужно сделать совсем маленькое усилие.

Ужас, который охватил и заставил сжаться, втянуть голову в плечи, повернуться всем телом, казалось, был ничем по сравнению с тем, что предстало перед ее глазами.

Голова огромной рептилии находилась буквально в двух шагах, огромные желтые глаза с вертикальным зрачком, не мигая, следили за ней. Кожистые крылья были распростерты, как будто дракон только что приземлился или наоборот хотел взлететь через секунду.

Девушка не могла оторвать взгляд от этих магических глаз и вдруг ощутила, что затянувшаяся пауза – это совсем не то, что ожидало огромное чудовище. Может быть, в присутствии дракона женщина должна была бы забиться в ужасе или поклониться неведомому богу, хозяину пространства и стихий. Она не знала. В какой-то степени она даже ощущала странное любопытство. То, что она видела перед собой, просто не могло существовать в реальности. Скорее всего, это был сон, странный сон. Может быть, сном было все, что происходило с ней вчера и сегодня, а завтра, проснувшись, окажется, что ее мир вовсе не разлетелся на мелкие кусочки, и жизнь течет как обычно, совершенно ровно и спокойно.

Пауза затянулась, и она вдруг заметила, что по черной чешуе дракона вдруг побежали красноватые отблески. Сказочное чудовище распахнуло огромную пасть, и в глубине нее девушка заметила пылающий шар необыкновенного, почти ослепительно-белого цвета. Она успела только понять руки в бесполезном желании прикрыть себя от вырвавшегося наружу огромного факела, оступилась и рухнула вниз, охваченная языками пламени.

Последняя мысль, которая посетила ее в этом полете навстречу волнам, было желание очутиться как можно дальше отсюда, от этого страшного места. А в голове продолжал звучать странный голос, повторяющий раз за разом:

– Кто ты?

Глава 1. Дана. Предчувствие

– Все-таки невероятно, мама. И откуда ты берешь сюжеты для своих творений? Только не рассказывай мне вновь про сны!

Дана остановилась около картины, где ярко-оранжевое небо соседствовало с темно-багровыми огромными стволами неведомых растений. Странные деревья словно тянули невообразимые ветви-факелы к зрителю, как будто хотели схватить, поймать его. Только напрасно, и это разочарование, отчаяние неудачи ощущалась в их движении.

– Кого они хотят поймать, мама?

– Кто?

Мама закончила разливать в толстые фужеры вино и подошла, кинув короткий взгляд на картину.

– Эти деревья. Ты видишь, как они размахивают этими своими узловатыми конечностями?

Елена только пожала плечами и протянула дочери фужер с огненным напитком. Искра попавшего в западню солнечного луча то гасла, то вновь зажигалась в глубине жидкости необыкновенной звездой. Мама пила редко, так она говорила. Обычно с Даной, и еще иногда одна. Когда грустила. И только красное сухое вино. Тягучее и темное-темное.

Глоток вина и еще один взгляд на картину.

– И действительно, похоже. Вадим же тебя отпустил?

Такая резкая перемена темы разговора совсем не удивила. В обсуждении своего творчества мама была немногословна, как и в обсуждении друга своей дочери. В ее словах на самом деле не было вопроса. Последнее время он отпускал ее слишком легко. Слишком.

Казалось, кроме этого в их отношениях ничего не изменилось. Он был все таким же страстным любовником, все так же любил делать ей маленькие сюрпризы, вывозить на пикники с друзьями, ходить в клубы, где зажигал не по-детски. И все же, все же какая-то темная тень легла на их отношения. Она сама не могла понять, в чем дело, но камень на сердце заявлял о себе, причем всегда как-то без видимой причины.

– Да, конечно, мама. Ты же знаешь, к тебе я всегда могу приехать.

Они вернулись к окну, и Дана ощутила, что беззвучный крик здесь, у этой картины, всегда бьющий по вискам, стал постепенно отдаляться.

– Ну хоть в этот раз голова не заболела? Я тебе удивляюсь, каждый раз жалуешься, и каждый раз приходишь посмотреть.

– Я хочу понять. За твое здоровье, мамуля.

Сколько Дана помнила, рисование было единственное занятие, которое привлекало маму по-настоящему. Нет, несмотря на отсутствие финансовой необходимости, она даже ходила в офис этой своей конторы, продолжала работать и постоянно сидела за своими переводами. Но исключительно “чтобы быть в тренде”.

А все остальное время мама рисовала. Рисовала пейзажи. Иногда обычные. Иногда необычные. Иногда странные.

Мама никогда не училась живописи. Она до всего дошла сама. “У меня есть внутренний голос. Мой зов”. Так она говорила и рисовала.

Мамины картины имели одну необыкновенную особенность – они все были нарисованы в странном ракурсе. Как будто все виделось ей в полете. В свободном полете, как у птицы. Конечно, люди тоже могут летать на самолетах, дельтапланах или на воздушных шарах. Но картины, которые рисовала Елена, обладали необыкновенной силой, как будто рвались на простор на крыльях, распахнутых крыльях.

Вот, например, этот белый замок, словно вросший в вершину огромной скалы. Этот образ всегда давал ей чувство особенной свободы. Необыкновенное море и необыкновенное небо. Голубое до слез. Как мама смогла это нарисовать? И фигурка, неразличимая с такого расстояния, стоящая на скале в ожидании. То, что человек на скале ждет, она была уверена.

– Идем же.

Она с трудом оторвалась от образа. Жаль, но и сегодня лицо человека внизу она не смогла рассмотреть. Какая же это все была ерунда, бессмыслица.

А сейчас они будут опять пить вино и смотреть новые наброски. Мама будет время от времени задавать вопросы о ее жизни, о планах. Как всегда. И все-таки странно, но она практически никогда не спрашивала о Вадиме и их отношениях. Он ее не интересовал. Правда, она сама этого не говорила, но ее выражение лица, ее жесты, паузы в беседе говорили о равнодушии.

Может быть потому, что сама мама никогда не была замужем. Станный роман, благодаря которому на свет появилась Дана, кажется, был единственным приключением в жизни Елены. Во всяком случае, единственным, о котором девушка знала.

От неизвестного мужчины, от отца, о котором мама ничего не рассказывала, Дана досталось очень странное имя, а маме воспоминания и счет в банке. Счет, благодаря которому она и вела сейчас этот спокойный, размеренный, приятный, но все же немного странный образ жизни.

Так они и сидели весь вечер, разговаривали, немного пили вино, немного слушали французский шансон, а когда мама поднялась подготовить ее комнату, Диана направилась к картине, на которой в опустившихся на комнату сумерках неизвестный, подняв голову, все еще ждал кого-то, кто должен обязательно

прилететь, может быть, даже в этот вечер. Лунные тени, дрожащие в вечернем сумраке, создавали иллюзию жизни, движения на картине, и у нее даже промелькнула смешная мысль о том, что еще неизвестно, где жизнь более настоящая.

Домой она уже подъезжала вечером. Воскресный день минул совершенно незаметно, она спокойно нежилась в деревянном кресле среди ароматов цветов, укрывшись в тени яблонь. Мама расположила свой мольберт среди клумб и что-то пыталась рисовать, наотрез отказываясь показывать наброски. Удалось только выведать, что это портрет. Портрет воображаемого мужчины! Может быть, у мамы что-то наконец может измениться?

Все окна квартиры горели ярким электрическим светом, и, она привычно оставив машину в ряду таких же городских лошадок, направилась в свою квартиру. Окна высокомерно посматривали желтыми глазницами, наблюдали, ждали. Она даже перед самой собой не призналась бы, что последнее время называла свое прибежище, гнездышко, просто квартирой. Даже мебель, шторы, жалюзи, посуда, все стало каким-то чужим, безразличным. А Вадим, он только посмеивался и говорил, что это все пройдет, предлагал съездить куда-нибудь. Или слетать. Но сам не мог. И это было невыносимо. Ужасно было дома, ужасно было на работе. Только у мамы было нормально. Но сейчас она возвращалась в свою квартиру, где мужчина почти наверняка придумал нечто, чтобы повисить ее настроение. Как она должна была ко всему этому относиться, если по непонятной причине это старание раздражало еще больше?

Ну конечно, Вадик встречал ее прямо на пороге. О, у него все было замечательно. Квартира сияла чистотой. Нигде ни пылинки.

Да, он красавчик. Неоспоримо. Мужчина, о котором мечтают. Удачливый бизнесмен, который всегда находит время, чтобы сделать что-нибудь приятное, устроить какой-нибудь сюрприз, что-то романтическое. Но откуда же эта тень? Глаза такие красивые, наверно, именно они заставили ее когда-то потерять голову. Но почему сейчас она уже думает об этом в прошедшем времени?

– Как мама?

Вопрос, к которому она уже привыкла. Обычная вежливость. Тон его слов всегда менялся, совсем немного. Больше равнодушия. Больше, чем обычно. И сейчас

тоже.

Когда-то он даже предлагал устроить выставку маминых работ где-то в центре, в престижном месте. Но Елена даже не обратила на его предложение внимания. Может быть, мужчина обиделся. А может, просто устал? Мужчины устают. Тоже. Только не показывают этого. Или стараются не показать.

Во всяком случае, что-то в нем было не то, какая-то недосказанность. Последнее время ее очень часто посещала одна мысль: она смотрела на него и чувствовала, физически ощущала отсутствие энергии. Разлюбил? Разлюбил. Может быть, действительно стоило задать ему этот вопрос, но ведь в конце концов это он мужчина. Пускай скажет. А если действительно скажет?

Они посидели за столом, выпили вина. Как-то в этот раз он не угадал. Сладкое венгерское не вызывало никаких эмоций, не играло на языке, не возбуждало. И взгляд, его глаза сегодня темнее обычного. Как будто эта темнота легла на сердце неподъемной тяжестью. Неподъемной именно сегодня.

– Что с тобой сегодня, богиня?

Она отпрянула, протянутая рука вдруг напомнила ей деревья с картины. И это слово, богиня, она не любила, когда он так к ней обращался. Слишком много ассоциаций, несостоявшихся воспоминаний.

Да, сегодняшней вечер не самый лучший.

– Давай ложиться. Я что-то устала.

Вадим без слов начал собирать посуду, а она прошла в спальню. Посидела немного перед зеркалом, потом скинула платье. Сегодня она хочет спать. Пускай так и будет. Одеда ночнушку, расстелила постель. О, какой у нее замечательный мужчина, поменял белье, и как все аккуратно, выбрал ее любимое с этим необыкновенным рисунком в виде языков пламени. Ну что же, она улыбнулась, почти довольная. Почти. Тень, опять тень на самых границах сознания.

Но все же приятно осознавать, что тебя кто-то ждет. Кто-то помнит о том, что тебе нравится. Она провела по гладкой поверхности простыни. Приятное ощущение. Обещание возможного. Может быть, все будет хорошо?

Ее мужчина напевал на кухне песенку Квин. Дана прошлепала в ванную и некоторое время, глядя на текущую в раковине воду, раздумывала, может быть, стоит принять душ?

Хотя, пожалуй, нет. Она протянула руку к стоящим на полочке баночкам с кремами и вздрогнула. Этого не могло быть!

- Вадим! Ты мои крема не трогал?

Послышались шаги, и мужчина, остановившись у дверей, уверенно сказал:

- Нет, Данка! Я же твои вещи не беру никогда.

Она еще раз посмотрела на баночки, стоящие одна на другой и, почти поддавшись истерике, прокричала.

- Кто у тебя был? Я знаю, что кто-то был! Даже не думай возражать, я знаю!

Мужчина за дверью молчал. Кажется, она даже слышала тяжелое дыхание. Пауза затянулась. И тишина словно выползала из всех углов, захватывая ее в свои безнадежные объятия. Но ей уже не нужен был ответ. На самом деле все было кончено. Не нужно было знать, кто эта - она и сколько раз тут бывала, или сколько раз он был у нее. Все эти взгляды в сторону, странные поездки, внезапные мероприятия и холод, холод по отношению ко всему, что радовало раньше, все это сложилось в один пазл, только не цветной, а серый-серый.

Наконец он смог прервать молчание.

- Дана, дорогая, ты понимаешь...

Слезы хлынули из глаз, и она из последних сил пожелала только одного: оказаться как можно дальше отсюда. Как можно дальше, там, где все это не будет иметь никакого значения. И еще одна мысль мелькала в голове, когда все

закрутилось вокруг в цветном водовороте, заставляя зажмуриться изо всех сил. Кто-то должен прийти и поддержать ее, прийти и поддержать. Должен прийти.

Глава 2. Дана. Первый узор

Удар был такой силы, что когда вода сомкнулась над головой, возможно, она на секунду даже потеряла сознание. Но сразу же пришла в себя от холода и в ужасе ощутила тяжесть охватившей со всех сторон темной массы. Мгновение, и ноги болезненно и сильно уперлись в преграду, девушка рефлекторно оттолкнулась, осознавая, что если не сейчас, то уже никогда. Черная вязкая масса старалась сдержать, замедлить судорожные движения рук и ног. И когда уже казалось, что не удастся, когда появилась ужасная липкая мысль о том, что эта пустота перед глазами последнее, что она увидит в жизни, внезапно одна темнота сменила другую, и она вынырнула.

Воздух – самое прекрасное, самое важное, что только существует в мире, ворвался в легкие, и она вздохнула с хрипом, и только после этого ощутила этот холод, который, кажется, был готов парализовать ее уже через секунду. Девушка задергалась, забилась в этой стуже, совсем не желающей смириться с тем, что может упустить этот островок тепла, в стуже, жестко вцепившейся ледяными пальцами, сжимая все сильнее.

“Берег, должен быть берег”. Она завертела головой, из последних сил пытаясь удержаться на поверхности. И действительно, земля была рядом, нависая над нею огромным черным пятном, различимым даже среди окружающей тьмы. Обрыв, неприступная скала. И что делать, откуда ждать помощи среди этой тишины, нарушаемой только плеском воды от ее судорожных движений?

Море само нашло ответ на этот вопрос. Сильная волна подхватила и потащила с собой, накрывая с головой. Хватая воздух из последних сил, она оказалась на песчаной полосе у подножия скалы. Повезло. Сил подняться не было от слова “совсем”. Лежа на этом сыром песке, Дана пыталась хоть немного отдышаться. Следующая волна через несколько секунд окатила ее новой порцией холода. Попытка приподняться привела к тому, что ее желудок начало просто выворачивать наружу. После того, как рвота наконец прекратилась, все-таки удалось подняться с колен и прислониться к каменной стене. Шаг, другой вдоль

скользкого камня. Она не знала, куда идти, но чувствовала, что если не будет двигаться, то через несколько минут ее чудесное спасение из морских волн уже не будет иметь никакого значения. Она продвигалась шаг за шагом, босыми ногами по холодному сырому песку, время от времени погружаясь в воду по щиколотку.

И внезапно скала закончилась. Не исчезла, нет. Просто она дошла до края, поворота, острой грани, и за ней дальше раскинулся просто песчаный пляж. Словно по взмаху волшебной палочки в это мгновение луна наконец вынырнула из-за туч и осветила все вокруг, превращая черное ничто в сказочный необыкновенный пейзаж.

Пляж был усыпан всевозможными темными камнями и камешками, отбрасывающими тени на бело-желтый песок. Широкая яркая полоса простиралась от кромки моря до темной стены леса, остроконечной стеной, словно отрезающей прибрежную полосу от другого мира, живущего по другим правилам совсем рядом, буквально в двадцати шагах.

Ей хватило одного взгляда, чтобы, собравшись с силами, отпустить острый камень, без опоры на который всего секунду назад ей, казалось, невозможно будет сделать даже шаг и, изо всех сил стараясь не упасть, побежать, помчаться, к своему спасению, ведь прямо у леса, недалеко, совсем рядом стоял дом. Что это был за дом, она не могла разглядеть. Да это было и неважно. Главное было то, что это был дом, человеческое жилище. И в окне горел свет.

Ей казалось, что она бежит, торопится изо всех сил, а дом магическим образом приближается слишком медленно. Почему же эти шаги были такими короткими, такими маленькими? И ветер, которого, казалось, только что не было, специально отталкивал ее назад к гневному бормотанию волн. Девушка не удержалась на скользких камнях и упала, боль пронзила колени и локоть. Она лежала и чувствовала, что уже не сможет подняться, что это все. Слеза медленно покатила по щеке, затем другая. Но даже заплакать больше не было сил. Она поняла, что просто хнычет. “Пожалуйста, кто-нибудь. Пожалуйста!”

Свет фонаря заставил зажмуриться, и через мгновение Дана почувствовала, как сильные руки поднимают ее и несут, бережно несут куда-то. Это было уже не важно, не важно. Холод отступил, удалился с несвязным ворчанием, и она потеряла сознание.

* * *

Как же ей не хотелось открывать глаза! Солнечный луч с навязчивым упорством издевался над своей жертвой, словно навсегда замерев в одном положении, причем прямо напротив глаз. Она приоткрыла ресницы только на секунду, чтобы вновь изо всех сил зажмуриться. Так можно и ослепнуть. Похоже, луч собрал всех своих друзей, чтобы не оставить ни малейшего шанса вновь погрузиться в спасительную тишину.

Нет, спать она больше не сможет. А не спать было очень больно. Все болело. Болело колено, болели руки, болели ступни. Поясница тоже болела. Все-таки, прикрыв глаза одной рукой, она попробовала сдвинуться с места, но сразу же вновь закрыла глаза. Глупая попытка. Вцепившись руками в постель, она с трудом подавила приступ тошноты.

Что это с ней? Вроде не пила. Память услужливо вернула эпизоды вчерашнего вечера. “Вот же гад!” Обидно было даже не то, что Вадим ей изменил, а в этом она была уверена на сто процентов, обидно было, что она ему почти поверила. Почти. Но что случилось после? Вспомнилось только долгое сидение в ванной, слезы и назойливый стук в дверь. А дальше?

Она вздрогнула и вновь широко распахнула глаза. Солнце снова накинuloсь на свою добычу, а в лучах она вновь как будто увидела эту пасть и ощутила взгляд огромных глаз с неподвижными, прямыми зрачками. И огонь. Пламя, которое она совершенно точно видела, но никак не почувствовала.

Потом падение. И где она сейчас? Нет, это мог быть только сон! Но сейчас все эти очень неприятные ощущения совершенно точно не оставляли надежды на то, что она спит.

Дана попыталась подняться, но тот час же рухнула обратно на спину. Боль в колене была нестерпимой. Что же с ней случилось? Откинув одеяло, она некоторое время пыталась оценить повреждения, затем привстала и попыталась дотронуться до колена. Локоть очень сильно жгло, а нога выглядела ужасно.

Следующее открытие, которое она сделала практически в то же мгновение, заставило ее срочно натянуть одеяло под самую шею. Она совершенно раздета! И где же ее рубашка? Где она сама, в конце концов! Что случилось? Дана обвела

взглядом помещение и поняла, что, скорее всего, “не сон” продолжается.

Она была в доме, наверно, в сельском, но совершенно необычном. Впрочем, нет, она вспомнила, дом был не сельский, но от этого не менее странный. Множество предметов, занимавших пространство комнаты, были ей совершенно незнакомы. Почти не раздумывая, она с легкостью смогла подобрать наименование этому помещению вокруг нее. Антикварная лавка. Да, все эти предметы вокруг словно вынырнули даже не из прошлого века, а из позапрошлого.

Это было интересно. На столе, рядом с фаянсовой цветной посудой были разбросаны письменные принадлежности. Наверно, она бы с удовольствием коснулась этого пера в чернильнице, судя по всему, необыкновенного, мягкого и в то же время острого. Как им писать, этим пером? Да и сама чернильница, она была интересна. Чернила, сколько они могут там находиться? Как они высыхают, во что превращаются?

Девушка уже хотела закрыть глаза, когда входная дверь распахнулась почти настежь и практически беззвучно. Опершись на локте, она попыталась разглядеть ступившего на порог. Хозяина?

Ей показалось, что он закрыл весь дверной проем, такой большой, громадный, широкоплечий и бородатый.

Так ей показалось. Но бородатый он точно был. В грубом свитере, сапогах и хмурый. Подошел к кровати и задал вопрос. Жаль, что она могла это понять только по интонации. Мужчина подождал несколько секунд, а затем с недовольным видом вновь произнес какую-то фразу. Несмотря на отчаянное желание накрыться с головой, она постаралась встретить его взгляд с прямоотой и максимально спокойно, хотя чувствовала, что прищур этих глаз заставляет покрыться все тело мурашками. Но, кажется, он все-таки не был таким большим. Скорее, среднего роста. А борода ему мешает, и стоило бы ее сбрить. Может быть, тогда даже выглядел бы довольно симпатично. Если бы еще причесался как следует...

Бородач опять задал какой-то вопрос. Она прислушалась к звучанию слов. В них была своеобразная и непонятная музыка, нечто неуловимо знакомое. Словно какая-то непонятная печаль, что-то забытое, далекое. Может быть, важное.

Мужчина ждал. Дана медленно покрутила головой. Было очень жаль, но как бы ни хотелось, ответить было невозможно. В его глазах отразилось разочарование. По лицу пробежала тень недоумения, словно мужчина изо всех сил старался сохранить внешнее спокойствие, но ему это давалось не очень легко.

“А он ничего, мой спаситель”. Его глаза были совершенно необыкновенного глубокого голубого цвета. Темная густая борода, закрывавшая лицо, не оставляла возможности определить возраст незнакомца. И все-таки ей почему-то хотелось, чтобы он был не слишком стар. Конечно, не совсем молод, не юноша, а мужчина.

Казалось бы, что ей до его внешности? Какая разница, но она вдруг поймала себя на том, что рассматривает стоящего перед ней совершенно неизвестного мужчину с явным интересом. А он как будто терпеливо позволял ей провести свой осмотр, рекогносцировку перед не сражением, о нет, но перед какими-то значимыми событиями.

Дана готова была поклясться, что в уголках рта прячется совершенно незаметная усмешка. Возможно, мужчина привык к женскому интересу, может, он здесь “первый парень на деревне”. Хотя почему-то ей в это не верилось.

Она даже на секунду нахмурилась. Ах, эта борода, она все скрывает. Хотя, может быть, ему есть что скрывать?

Мужчина не оставлял попыток поговорить с ней. Теперь фраза, кажется, прозвучала по-другому, несколько резче, словно он произносил слова на другом языке. Будь она на дома, то, пожалуй, решила бы, что хозяин перешел с французского на немецкий. Но эти слова были вновь непонятны, и девушка смогла только пожать плечами.

Ей не хотелось вновь увидеть разочарование на лице хозяина дома, и она, высунув руку из-под одеяла, приложила ее к груди.

– Дана. Я Дана.

Мужчина не дрогнул, только в глазах что-то вновь промелькнуло, словно отразилась далекая молния в чистом голубом небе.

Теперь наконец она обратила внимание, что мужчина что-то принес. Не ответив на слова девушки, он наклонился и положил на постель принесенные вещи. Судя по всему, это была одежда. Хозяин дома демонстративно отвернулся, видимо, намекая, что она может одеться. Что же, где бы она ни оказалась, во всяком случае здесь мужчины относятся к женщинам с галантностью. Как минимум, один мужчина.

Она вздохнула. Стоит наверно посмотреть, что же приготовил для нее этот кавалер. Откинула одеяло и тут же пожалела об этом. Боль в колене отозвалась настоящим огнем, и само колено выглядело ужасно, посиневшее и распухшее. Она попыталась выпрямить ногу и на этот раз уже не могла сдержать стон. Прикусив губу, Дана отвернулась и наткнулась на серьезный взгляд мужчины. Он вновь стоял прямо у постели. Одну длинную секунду помедлила, словно стараясь поймать в его взгляде реакцию, и закуталась в одеяло, продолжая следить за незнакомцем. Он также будто бы задержал взгляд на секунду и лишь потом опустил глаза.

С непонятым удовлетворением она вдруг почувствовала, что, несмотря на то, что до сих пор практически еще не было произнесено ни слова, между ними словно установилось некое взаимопонимание, некий пакт, отношения. Отношения, это слово, произнесенное про себя, заставило ее мимовольно улыбнуться. Ничего не значащее слово. Ничего не значащий мужской взгляд.

Собиравшийся уйти мужчина теперь вынужден был изменить свое решение. Конечно, он же ничего не узнал, но ее голос, стон заставили вернуться. Некоторое время, казалось, его мысли были заняты решением некой сложной задачи. Опустившись на колени, коснувшись руками распухшей до невозможности ноги, он закрыл глаза, и глубокая морщина придала его лицу совершенно другое выражение. Он занимался делом, которое требовало сосредоточенности и немалых усилий. Дана вздрогнула, ожидая всего что угодно, нового приступа боли, но все было иначе. От рук исходил холод, этот холод обволакивал колено, слегка покалывая, как слабые укусы мороза в зимний день. В красивый, солнечный, морозный, автоматически поправила она сама себя.

Между тем холод словно проник внутрь и заставил ее сжаться, вспоминая вчерашний ужас. Но уже спустя несколько секунд ощущение разгара зимы исчезло, и ее, наоборот, заполонил жар. Жар накатывал волнами от колена, растекался по всему телу, и она чувствовала, что начинает плавиться в этих

волнах. Мысль о том, что нужно заставить его убрать руки, заставила приоткрыть рот, но следующая волна смыла, стерла эту мысль, отодвинула ее, как нечто неважное, несущественное. Капли пота выступили на висках, и она почувствовала, как одна из них стекает по шее, дальше, дальше, постепенно где-то теряясь. Вдогонку за ней устремилась еще одна, потом еще. Другие прокладывали свои дорожки по шее, прячась в ложбинке на груди. Сглотнув, попыталась сильнее закутаться в покрывало, хотя все внутри требовало, наоборот, отбросить его и, выбежав наружу, позволить ветру изгнать этот непонятный жар и все, что с ним было связано. Она чувствовала, что ей не хватает воздуха, но смогла поднять голову только тогда, когда звук захлопнувшейся двери не оставил сомнений, что в этой комнате она снова одна.

Глава 3. Дана. Уроки молчания

На второй день девушка решила попробовать изучить дом и окрестности. Реган с утра отправился в море на небольшой лодке. Она следила за ним с порога, пока треугольный парус не исчез за изломанной черной скалой. Вообще удивительно, что Дана нашла практически единственное место у берега, где можно было беспрепятственно выбраться на казавшуюся безобидной песчаную полосу. Совсем рядом под выгледевшей сейчас безмятежной гладью моря таились острые скалы и быстрое течение с водоворотами.

Вчера они прошлись по этому берегу, и он рассматривал ее следы, уже практически неразличимые на песке у дома, а затем, когда они вышли к кромке воды, показал, что было укрыто в серых, мутных волнах всего в двух десятках шагов дальше.

Увиденное заставило поежиться совсем не от холода. И не от промозглого сырого ветра. Упала она в море там, где эти острые грани скрывались в полуметре от поверхности, вряд ли она смогла бы выбраться на поверхность.

Потом прилив скрыл и скалы, и песчаный пляж, оставив плавную, девственную чистоту там, где они бродили среди камней, где она делала вид, что ищет следы своего прибытия, а Реган старательно делал вид, что не замечает взгляды, которые она украдкой бросала в его сторону.

Это было немного стыдно и грустно. Еще вчера она бежала из дома, уличив своего... Вот тут уже невозможно было подобрать правильное слово. Любовника? Но любви уже не было, не было, как бы ни пыталась она скрыть это сама от себя. Не друга точно. Дружбы, основанной на общих интересах, у них не было изначально. Что же было? Ничего. Пустота. Сила привычки, которая тоже растворилась, исчезла со временем. Возможно, приди он к ней с объяснениями, с признанием, может быть она сумела бы принять это спокойно. И даже с тайным удовлетворением. Но такой обман невозможно было просто принять. И боль воспоминаний просто рвала сердце, боль оставалась даже сейчас.

Дана обошла дом и начала подниматься по деревянным доскам-ступенькам, почти утонувшим в большой песчаной дюне. Сверху дюна поросла соснами, причудливо изогнутыми и замершими, словно посреди странного танца, дальше деревья расходились вправо и влево. Пожелтевшие иголки покрывали песок густым слоем. Рыжие муравьи деловито спешили куда-то, выбирая себе дорогу среди желтых россыпей. Для них этот день был таким же, как и череда других, обычных, спокойных дней. Работа-дом-работа.

Она подняла голову, солнца по-прежнему не было видно, одни низко нависшие серые тучи, неподвластные ветру и словно давящие на плечи всей огромной массой воды, таящейся в их глубине.

Но, может, солнце все-таки выглянет? Видела же она солнце! То, что необыкновенная картина вечернего купола небо-моря не привиделась, она знала совершенно точно. В первый же вечер, когда боль прошла, и она нарядилась в эти огромные штаны и рубаху, Реган показал ей остатки одежды, в которой он нашел ее на пороге дома. Полусгоревшие, расползающиеся лоскуты с обуглившими, почерневшими краями.

Мужчина молча следил за ее реакцией, а она машинально комкала почерневшие края несчастной сорочки и даже не замечала его взгляда.

Перед глазами у нее стояли черные, огромные зрачки и почти невидимое, прозрачное пламя, охватившее ее в момент падения. Странно, что в тот момент она не почувствовала боли, хотя жар, жар она, кажется, помнит. Невозможно, чтобы это была просто игра воображения.

И в то же время на теле не было никаких ожогов, совершенно. Только множество синяков, царапин и порезов. Странный хозяин дома смазал их мазью, которую достал из глиняной баночки. Снадобье распространяло приятный, необычный аромат, и этот запах словно успокаивал, расслаблял. Это было вовремя, это было хорошо после того, что она испытала минутами ранее.

Дана добралась наконец на верхушку дюны и огляделась. Остров. Она находилась на совсем небольшом острове. Почти круглой формы, весь поросший соснами, с набегающими в нескольких местах на прибрежные скалы волнами, с водоворотами, хорошо видимыми теперь с этой высоты. И совсем без строений. Только один этот дом внизу. Дом, в котором сейчас ее ждет плита, на которой она решила приготовить сегодня что-нибудь съедобное. Выбор продуктов, правда, был невелик: рыба, рыба и рыба. Очищенная вчера и ожидающая в ящике со льдом. Кстати, интересно, откуда у него здесь лед? Ну и немного совсем обыкновенных овощей с маленького огородика. Вчера они нарезали их вместе, так что она уже знает что к чему.

От мыслей отвлекло стрекотание флюгера, очнувшегося в резком порыве свежести и теперь радостно демонстрирующего свои способности на легком ветру. Она оторвалась от мыслей и вновь посмотрела в море. А вот там, кажется, другой берег. Во всяком случае, очень похоже, словно какая-то расплывчатая полоса в туманной дымке. Нет, там определенно что-то должно быть.

Лодка островитянина совершенно бесшумно вынырнула из-за скалы. Неужели она провела здесь столько времени? Не может быть. Вчера Реган отсутствовал не менее трех часов. А сейчас, может быть, что-то случилось? Во всяком случае, ей лучше вернуться в дом. Девушка встала на ступеньку, когда ее привлек отдаленный, еле слышный звук, похожий на равномерный стук. Тук-тук-тук-тук. Равномерный и непрерывный. Там, очень далеко, в стороне, где, кажется, была суша, в небо поднималась тонкая, почти неразличимая струйка дыма.

Определенно что-то двигалось к острову со стороны материка. И это что-то заставило мужчину поспешить вернуться.

Дана торопливо спустилась вниз и вошла в дом. Оставалось только дождаться и попытаться узнать причину непонятной спешки. Она зашла на кухню и оглядела разложенные продукты. Пожалуй, теперь не до жарки рыбы. Или наоборот, надо просто поторопиться? Во всяком случае, заранее разведенный огонь уже успел нагреть плиту.

Дверь предостерегающе скрипнула, и она поспешила стряхнуть с рук муку. В любом случае, все почти готово, даже если сейчас появятся гости, они не останутся голодными.

За спиной раздался грохот, и девушка испуганно обернулась. Реган у камина сбросил на пол целую грудку подсушенного заранее топляка. Значит, действительно будут гости. Вчера он только немного протопил ближе к вечеру, когда на дворе уже темнело. Но сегодня день будет очень длинным.

Мужчина распалил огонь, затем молча подошел и окинул взглядом ее приготовления. Потом одобрительно кивнул и вновь направился к выходу. Глухой удар заставил замереть на губах легкую грустную улыбку.

Они не разговаривали. То есть сначала он пытался разговаривать с ней и все-таки подобрать язык, который знали бы они оба, но она не понимала ни одного слова, хотя он перепробовал не менее десяти разных. Так ей, во всяком случае, казалось. Она знала английский и французский, сталкивалась в работе с немецким и чешским, но ни один из них не имел ничего общего с произносимыми мужчиной словами. Со своим знанием разнообразных наречий Ренар, судя по всему, был образованным человеком, можно даже сказать, полиглотом здесь, в этом месте. Она не решилась произнести слова “в этом мире” даже мысленно, про себя.

Под звуки масла, шкворчащего на сковороде, она еще раз вернулась к раздумьям об этом “месте” и к тому, что произошло последние дни. После своеобразного “хилерского” лечения нога зажила в тот же день. Уже вечером она смогла встать и присоединиться к Регану за ужином, но ее волновало другое: эмоции, которые рождались в “процессе”, касались не только колена. А она даже не могла спросить, так ли это должно было быть. А может быть даже и не попыталась бы спросить. Одна мысль об испытанных чувствах и возможности их повторения заставляла краснеть и нервно оглядываться.

Но Реган больше не пытался повторять свои процедуры. Утром он просто осмотрел колено и повторно смазал пару царапин. Прикосновение сильных мужских пальцев было приятно, но не более.

Сейчас в глубине души она даже думала об этом с легкой ноткой сожаления. Почему-то мысль, что прежние отношения уже безвозвратно исчезли в прошлом,

оставляли ее равнодушной. Более того, Дана даже подумала, что все это к лучшему, их связь тянулась в бесконечность равномерно, прямолинейно, без резких поворотов и скачков, и вот такой поворот наступил, причем поворот необыкновенный и резкий. Необыкновенно резкий. И перед ней теперь предстало настоящее приключение, хотя она сама не могла понять, почему же так спокойно рассуждает о странных событиях, которые просто не могли произойти.

Еще два дня тому назад она спокойно вошла в свою квартиру, а потом чуть не сгорела, не разбилась и едва не утонула. И еще какой-то необыкновенный мужчина лечил ее необыкновенным способом, и это лечение, это воздействие заставило пережить такие эмоции, которые дома она не переживала уже давно. Словно мир вновь окрасился в цвета радуги, вынырнув из серой обыденной пелены. Любопытно, а какие эмоции испытывал при этом сам Реган? Было ли ему также... приятно?

Дверь вновь хлопнула, и мужчина, не глядя, прошел в свою комнату. Там она еще не была и не представляла, что же такое там она могла бы найти. Во всяком случае, Реган спал там. Или не спал. Когда она пыталась заснуть, вчера под дверью была заметна щелочка света и время от времени еле слышные шаги.

Как ни уговаривала себя, но сон не шел очень долго. Лежала, думала и смотрела на эту полоску света. Что он там делал все это время? В доме не было ни телевизора, ни других электроприборов. Не было никаких проводов, не было светильников. Кстати, не было даже керосиновых ламп. Где такое сейчас возможно? Хотя, может быть, у него в комнате как раз такая лампа. Свет время от времени колебался и мигал.

Лежа в громадной мужской рубашке, в холоде, под тонким одеялом, время от времени переводя взгляд на угасающие красные огоньки в камине, она чувствовала, что волнение покидает ее. Мерцающие язычки пламени гипнотизировали, выгоняли мысли из головы, и, наверно, она давно уже должна была заснуть... Должна была, если бы не возвращалась раз за разом к ощущениям от прикосновения его пальцев. Даже не к самому прикосновению, а к тому, что за ним последовало.

Свет под дверью все мигал и не желал гаснуть. И она не желала признаваться самой себе, что ждет, когда эта дверь откроется, и станет теплее, значительно теплее.

– Дана!

Реган стоял у распахнутой двери, а у нее явно пригорала последняя порция рыбы. Мужчина поспешил к ней и помог снять сковородку с огня, потом взял за руку и увлек за собой. Она не возражала. Рука у мужчины была сильная, но сжимал он ее ладонь очень осторожно. Ей понравилось слово, которое промелькнуло, едва она сделала пару шагов. Он сжимал ее бережно.

Два-три шага, и она оказалась в его святая-святых. В “той” комнате. Реган подвел ее к камину, приложил палец к губам и усадил на табуретку прямо у мерцающих красных огоньков. Секунда, и дверь закрылась у него за спиной.

Дана со вздохом огляделась. Возможно, и хорошо, что она не знала его языка. Эти три дня прошли под знаком постоянного напряжения. Иногда ей казалось, что еще секунда, и она уже точно сорвется в истерику. Секунда проходила, она встречала вопросительный взгляд Регана или не встречала, а просто натыкалась взглядом на какой-нибудь предмет из дремучего прошлого и постепенно успокаивалась.

Ее пресловутое спокойствие, которое раздражало и подруг на работе, и Вадима дома, оказалось совсем кстати. Вот сейчас она без возражений уселась на эту табуретку, сложила руки и ждет, что будет дальше.

Ну, нет! Она осмотрит эту комнату самым внимательным образом. Может быть, как раз здесь находится ключ к пониманию, где она находится, и что с ней произошло.

А комната была совершенно необыкновенная. Как и весь дом, она вполне могла бы служить декорациями для съемок американского фильма. Но если сам дом и первая комната пригодились бы, скажем, для кинофильма о событиях семнадцатого или восемнадцатого века, то здесь вполне можно было снимать продолжение сериала Роулинг.

Полки с толстенными книгами без всяких надписей. Карта мира, главный материк которого, кстати, весьма похожий на Евразию, но со всякими интересными фигурками, рисунками и массой надписей, опять же, на непонятном языке. Телескоп у окна. Этот мир не такой уж отсталый. Еще

несколько приборов неизвестного предназначения, развешанных на стенах.

На столе подсвечник с заплывшими погасшими свечами, чернильница (так она подумала) с ручкой на краю. Ручка сама по себе была уже крайне интересным прибором, все это она видела первый раз в жизни, и ей страшно захотелось потрогать и как-нибудь использовать. Ну разве не интересно написать что-нибудь пером и чернилами? Услышать, как перышко скребет по бумаге, так же как в старой песенке, которую любила слушать бабушка.

Правда, писать было не на чем. Не будешь же использовать для этого невероятно толстый том с закладкой!

Но вот полистать эту книжищу она может попробовать. Мимолетный взгляд – разведка обстановки. Диванчик, стоящий в глубине, и свернутая куртка на месте подушки. Спальное место не из лучших. Надо будет потом извиниться, потом, когда она научится хоть каким-то словам на этом тарабарском языке. Хотя она даже не знает на каком.

Дана вернулась к камину и со вздохом опустила книгу на колени. Она оказалась тяжелой, как два кирпича. Раскрыв в месте, где том разделяла черная бархатная ленточка закладки, она тяжело вздохнула. Букочки, которыми была усыпана пожелтевшая страница, были совсем не похожи ни на кириллицу, ни на латинский шрифт. Они были ни на что не похожи. Но одно ей было знакомо: стиль, в котором были изображены фигурки людей и здания, украшающие текст на странице, напоминали средневековые изображения, которые она несколько раз видела в музеях.

И еще одно: книга была рукописной, и иллюстрации были нарисованы от руки. Интересно, сколько может стоить такой том? Хотя, может быть, здесь книгопечатания нет до сих пор?

Это слово “здесь” заставило ее вновь замереть. Не хотелось верить, что все эти придуманные многочисленными авторами чудеса оказались реальностью. Да и чудес пока было маловато. Вряд ли к ним можно было отнести мытье посуды без чистящих средств, “туалет” во дворе и отсутствие самой обычной одежды.

Даже присутствие Регана не помогало, тем более что он больше не использовал эту необыкновенную силу своих рук. И даже, кажется, вообще старательно

избегал самой возможности коснуться ее. Даже случайно.

А ее руки? Они явно не привыкли к таким условиям. Пожалуй, еще пару дней здесь, и их уже ничего не спасет. И вообще, она не привыкла к таким пуританским условиям! Когда-то она смотрела телевизионный фильм о людях, которые сознательно пошли на то, чтобы пожить некоторое время в условиях прошлого или позапрошлого века. Это показалось даже интересно, но действительность оказалась несколько другой.

Стук наружной двери прервал ее невеселые размышления. В соседней комнате слышались шаги и голоса. Судя по всему, гостей было несколько. Девушка замерла. Раздался звук переставляемых стульев. Видимо, гости рассаживались у стола. Она с горечью подумала о том, что не успела даже попробовать результаты своей стряпни.

Несколько секунд Дана вслушивалась в доносившиеся голоса, надеясь различить знакомые слова, но скоро поняла, что это бесполезно. Она перевернула несколько страниц, исписанных убористым почерком, с мыслями о том, как хорошо все-таки было бы скорее начать понимать хоть что-нибудь из сказанного Реганом. А еще лучше все.

Следующая перевернутая страница открыла рисунок, который заставил ее замереть. Обе раскрытые страницы занимала гравюра с изображением дракона. Чудовище вытянуло шею в сторону читателя и, казалось, вот-вот оживет.

Под изображением виднелись несколько слов, надпись, судя по всему, на том же непонятном языке. Оторвать взгляд от гравюры было невозможно. Зверь был изображен так реалистично, настолько похоже, что, казалось, сейчас оживет, разорвет острыми когтями рамку образа и раскроет свои мощные крылья.

Теперь главное прочитать эту надпись, сейчас ей это необходимо больше всего в жизни. Она должна понять этот язык сию секунду, немедленно.

В мужской разговор за дверью вклинился женский голос, но Дана уже не обращала на это внимания. На поверхности кожи на левой руке вдруг началось легкое покалывание, перешедшее в сильный зуд. Скривившись от боли и стараясь не упустить с колен огромный том, девушка закатала рукав рубашки.

Кожа на руке стала внезапно практически прозрачной, и под ней можно было легко различить все вены и артерии, окрасившиеся в ярко-красный, алый цвет. Дана хотела закричать, но из горла вырвался только еле слышный хрип. Сердце забило, застучало все быстрее, и она чуть ли не первый раз в жизни так отчетливо ощутила каждый торопливый, отчетливый толчок, движение жизни.

Темная полоса показалась на руке, словно вытекающая широкой спиралью откуда-то из подмышки, с левой стороны груди. Спираль узкой, иссиня-черной лентой протекла по всей левой руке и в конце концов замерла треугольной стрелкой посередине ладони.

И сейчас же...

– Ну ты же должен понимать, Реган, что это не просто так, это не может быть совпадением! Два всплеска около скалы и третий где-то здесь, недалеко отсюда!

Она понимала! Она как-то понимала! Покалывание в руке исчезло вместе с сеткой сосудов под кожей. Но черная змейка по-прежнему удобно расположилась на предплечье и запястье, не желая расставаться со своей добычей. Девушка закатала рукав рубашки и потеряла темную полосу. Никакого результата. Никакого результата, кроме одного.

Бессмысленный шум голосов исчез, и вместо них из соседней комнаты стали доноситься обычные слова. Хотя она понимала, что они звучат по-прежнему чуждо и необычно. Но она их понимала, воспринимала совершенно естественно, как понимают иностранный язык, общаясь на нем с детства.

Дана совсем не была уверена, что сможет произнести эти слова, хотя можно было попробовать прошептать или пробормотать так, чтобы ее не услышали. Но она не стала этого делать. Просто уже привыкла молчать. Так было спокойнее.

– И что ты хочешь сказать? Допустим, я тоже ощутил движение, зов.

– Зов? Ты так это назвал? Зов... Да, возможно. Даже более похоже.

В разговор вновь вступила женщина, и девушка вдруг ощутила неприятный холодок. Голос незнакомки был глубоким, с небольшой странной хрипотцой, уверенным и даже, можно сказать, ну самую капельку, может быть чуть-чуть в нем ощущалась некая особая сексуальность. Словно, обращаясь к Ренару, она пыталась повлиять на мужчину, привлечь его внимание. Между тем в разговор вступил еще один собеседник.

– А что это за запах? Никогда не подозревал за тобой кулинарных способностей! Мы вообще-то с дороги. И горло было бы промочить неплохо. Согласись, Шайла!

“Этот мужчина, видимо, быстро забыл о цели приезда, заметив мою жареную рыбу!” Дане захотелось топнуть ногой, но она только принялась нервно поглаживать раскрытую книгу.

Снаружи раздался звук тяжелых шагов, похоже, Реган все-таки решил действительно накормить своих гостей. Еще минута, и она вновь услышала его голос.

– Это привозят мне в Новый Карфаген. Ну, вы, сир учитель, знаете.

– Конечно, конечно.

И мощный, сочный голос почти громогласно продекламировал.

“Чернее заката

Зимы,

Ярче восхода

Лета

Кровь дракона”.

– Тебе, дорогой, не стоит так похваляться знанием строк из “Хроник” Гамилькара.

На этот раз голос женщины был полон холода и недовольства. Видимо, ей и раньше приходилось делать замечания своему спутнику и, судя по всему, это редко приводило к каким-то заметным результатам.

На несколько мгновений повисло молчание, словно женщина напомнила о чем-то неприятном, о таком, что не хотелось вспоминать мужчинам. Затем Реган произнес:

– Есть интересная легенда об этом вине. Может быть, вы слышали, но это действительно интересно. Но сначала я предлагаю выпить.

– Пламя возгорится!

Мужчина и женщина вслед за ним повторили:

– Пламя возгорится!

Реган продолжил.

– Итак, легенда. Альвы рассказали мне ее. Это было как бы подтверждение качества. Цеховой Сертификат.

Дана вдруг почувствовала, что книга в ее руках словно начала нагреваться. Она становилась все теплее, и фактура ее будто бы менялась. Казалось, пальцы ее рук касаются камня, шершавого и острого. И теперь она могла прочитать слова на открытой странице. Буквы были словно вырезаны в камне, и первая строчка гласила:

“Кровь дракона”.

Дальше были строчки, которые она слышала только что, буквально несколько минут назад, и это совпадение заставило ее прикусить губу. Это были стихи. Но вначале она прочитала слова какого-то человека, видимо, автора, обращенные к читателю, то есть к ней. Вернее, она была уверена, что этот человек написал это

именно для нее:

“Мой голос слаб, но доверенное мне звучит сильнее самого сильного, ибо удалось мне донести то, что было предопределено. И уверен, жизнь моя прожита не зря.

Гамилькар, сын Магона”.

И дальше:

“Чернее заката

Зимы,

Ярче восхода

Лета

Кровь дракона.

Кипит

В пламени

Рожденной,

Омытой тьмой

Одной ей

Дар

Доверен

Узнать

Призывы ушедшего,

Прощание забывшего,

Сумерки наслаждения,

Кровь дракона”.

Голос Регана оторвал ее от чтения, и она вся обратилась в слух.

– Итак. История, конечно, старая. И, судя по всему, кто-то пересказывал ее не раз. Но мне ее рассказали сами альвы, так что, может быть... Короче, когда корабли Ганнона разбились у Мыса Проклятий, мореплаватель сумел добраться до берега. Но, оглядевшись и поняв, где находится, он приготовился к еще более ужасной смерти.

Снова раздался женский голос.

– Ты точно не умрешь от старости. Да и все мы тоже.

– Все возможно, но пока я здесь и рассказываю эту историю. Ты позволишь?

– Надеюсь, нас больше никто не услышит, а вреда от еще одной сказки не будет.

– И вот, прождав появления драконов до утра, он решил, что смерть от голода и жажды не лучше смерти от пламени, и стал искать путь вверх, в Твердыню. И нашел. Он долго поднимался, преодолевая сотни ступенек. А наверху обнаружил, что замок пуст. Ни людей, ни крылатых монстров!

– Просто чудесно. Видимо, ему повезло? Или его защищала сама Анат?

– Не знаю, Шайла. Все возможно. И вот он увидел, что замок пуст, его ворота открыты, но войти внутрь он не смог.

– Еще бы, как войти туда, что на самом деле не существует?!

– Ганнон попытался несколько раз и понял, что хотя самих драконов нет, колдовство их по-прежнему действует. Тогда он нашел тропинку и начал спускаться по противоположному склону горы в долину. И там, на пути вниз, он набрел на виноградник. Ганнон утолил голод и жажду спелыми ягодами, и ему так понравилось, что спустя некоторое время он вернулся на гору драконов и выкопал несколько лоз винограда, но не успел внести их на корабль, как лозы засохли. Так повторялось несколько раз, и путешественник понял, что и здесь поработала магия.

Тогда он пригласил несколько семей альвов и нанял их ухаживать за виноградником. И виноградник разросся, расцвел. Сыновья Ганнона начали поставлять вино в Новый Карфаген, а спустя много лет в Алезию и даже на Сицилию. Вот это вино и называли “Кровь дракона”.

– Красивая сказка. Хотя иберийцы умеют выращивать виноград, но лучше сицилийцев этого не делает никто. Да и это вино, наверно, делают уже в других местах.

Книга в ее руках уже нагрелась так, что, казалось, вот-вот начнет обжигать колени. Она огляделась в поисках места, куда могла бы положить том хотя бы на время. Мимолетный взгляд упал на гравюру на развороте страницы рядом с прочитанными стихами. Дракон на картине повернул голову и пытался поймать ее взгляд, словно живой. Совершенно необыкновенные, яркие цвета волнами перетекали по его чешуе, а глаза, глаза приобрели знакомый желтоватый оттенок.

Реган за стеной продолжал.

– О, нет. Я покупал вино у альвов. У тех альвов, что жили под Твердыней. Последний раз в прошлом году.

– Последний раз? Что ты хочешь этим сказать?

– В этом году они покинули виноградник. Никто не знает почему.

В голове у Даны вновь зазвучал знакомый вопрос “Кто ты?” Девушка в ужасе отбросила книгу, та с грохотом ударилась о стену и приземлилась на полу у камина.

За стеной на мгновение все затихло, а потом раздался стук женских каблучков, и дверь распахнулась.

Глава 4. Дана. Знаки внимания

Женщина, задержавшись на пороге комнаты, некоторое время, сощурившись, рассматривала девушку.

- Ну, кто тут у нас?

Дана лихорадочно пыталась скатать длиннющий рукав рубашки. Ее нервные движения наверняка не могли укрыться от взгляда незнакомки, и женщина, сделав пару плавных шагов, прикоснулась к ладони девушки, а потом отвела в сторону её судорожно комкающую ткань руку.

- Успокойся. Реган, не понимаю, что происходит, почему ты прячешь здесь такое милое создание?

Рука, державшая ее ладошку, показалась девушке не по-женски сильной и уверенной. А взгляд, этот взгляд почти стальных глаз словно источал холод, взвешивал, просчитывал, изучал.

Дана сразу решила, что она была очень похожа на директора по персоналу, которая проводила собеседование в фармацевтической компании. Так же, как и тогда, женщина будто пыталась проникнуть в ее мысли, распутать все разноцветные узлы, тянущие ее жизнь в разные стороны, упорядочить по величине, направлению и важности, и выявить те, которые могут быть полезными для нее, а значит, для компании.

Она практически обошлась без вопросов, просто смотрела, слушала, как будто наслаждаясь бессмысленными попытками претендентки на попадание в этот рай на Земле, в место, где делают таблетки, которые потом принимают такие девушки, как Дана, чтобы снять стрессы, накопившиеся на этой работе.

У Шайлы был такой же взгляд, и от нее исходил такой же холод. Она купалась в этом ощущении своей незыблемости, недоступности. На расстоянии можно было любоваться, но прикоснуться могла только она, красивая женщина, словно в укрытая в хрустальной ауре. И эта аура ей не шла.

Может быть, ее лицо могло бы стать совсем другим, если бы эти губы хотя бы на мгновение тронула улыбка. И эти темные волосы, несомненно, распусти она их, наверняка могли бы удивить не одного мужчину. Может, ей просто не удалось еще решить, как относиться к этой высокой и странно одетой девушке, но сейчас Дане определенно хотелось, чтобы женщина прекратила рассматривала ее как шпиона, проникшего на территорию Регана. Или эта женщина считала его территорию своей?

И неожиданно льдинки растаяли. Шайла смешно наклонила голову и улыбнулась, правда, самыми кончиками губ, отчего у нее внезапно обозначились очень милые ямочки на щеках. И румянец на них совсем не казался случайным.

- Ее зовут Дана, и мы с ней не смогли поговорить.

Хозяин дома перешагнул через порог, а за ним проследовал совершенно удивительный тип.

Этот гость был, наверно, ростом метра в два и в ширину, возможно, не меньше. Кроме того у него были длинные остроконечные усы и короткая бородка. Эти утонченные усы и бородка совершенно не вязались со всей его огромностью. Наверно так или почти так должен был выглядеть Гаргантюа. Мужчина улыбался во весь рот и аккуратно держал металлическую кружку. Дане показалось, что, увидев ее, он даже замурчал, как огромный кот, и еще больше расплылся в довольной улыбке.

- Прелестно, прелестно, мой друг. Наконец-то ты взялся за ум или за что-нибудь другое.

Она невольно приподняла брови, а Гаргантюа принялся бесцеремонно разглядывать с ног до головы совершенно неожиданно оказавшуюся в убежище одинокого друга красивую диковинную птичку. При виде мужских штанов он недовольно скривился, но чем выше поднимался взгляд, тем больше в его глазах расцветали радостные огоньки.

– Действительно, наша глава рода в этот раз права как никогда. Во-первых, почему девушка сидит здесь одна, а во-вторых, зачем ты нарядил ее в свои поношенные панталоны?

Дана дернулась и почти что склонила голову, чтобы посмотреть на эти штаны, но в последнюю секунду удержалась и закусил губу. Ей пришло в голову, что притворяться не знающей языка гораздо лучше, чем начать отвечать на вопросы и рассказывать о падении со скалы в неизвестном месте и желтых змеиных глазах.

Однако ее движение не укрылось от внимания женщины, держащей ее за руку. Она притянула девушку поближе и развернула к себе лицом, почти уткнувшись в подбородок.

Шайла рассматривала ее так внимательно, словно пыталась найти нечто незаметное с первого взгляда, словно исследовала под лупой новую, ранее невиданную бабочку.

Мужчины, стоящие рядом, уже почти за спиной у женщины, примолкли и не мешали ее инспекции. Женщина закатала рукава рубашки и провела по обнажившейся руке. Волоски от ее прикосновения, словно наэлектризованные, потянулись вслед за движением чужих пальцев. Дана вздрогнула и скосила взгляд, но рука была совершенно чистая и белая, без каких-либо следов черной ленты.

Закончив свою инспекцию, Шайла, не говоря ни слова, повернулась и проскочила в дверь мимо расступившихся мужчин. Звук ее каблучков стих после того, как наружная дверь вяло заскрипела и потом хлопнула, словно подхваченная порывом ветра.

Дане вдруг показалось, что этот порыв забрал с собой все тепло из комнаты, и под взглядами мужчин ей стало вдруг страшно зябко. Она охватила себя голыми руками. И это движение словно послужило сигналом. Напряжение порывом воздуха унеслось следом за странной женщиной, и мужчины словно получили наконец возможность действовать.

Реган наклонился и поднял книгу. Он мельком взглянул на разворот, и у девушки сжалось сердце. Но ничего не произошло, дракон на странице не ожил в руках мужчины. Хозяин дома аккуратно закрыл книгу и положил на полку действительно потухшего камина.

Гигант любезно протянул ей руку.

– Идемте, милая сеньорита. Вам надо согреться.

Проводив Дану к столу и галантно подвинув деревянную табуретку, гигант достал с полки еще одну металлическую кружку и плеснул туда багрово-красного напитка из стоящей на столе стеклянной бутылки.

– Давайте выпьем за знакомство! Реган, ты же не возражаешь?

Мужчина досадливо поморщился.

– Я же говорил, что она не говорит на нашем языке! И вообще, может, она не пьет вино! Тем более такое!

Девушка улыбнулась. Что же, ее метод действовал. Во всяком случае, хозяин дома ей поверил, а это уже много значило. Жаль только, что книга его интересовала больше. Но, впрочем, неважно.

– Ну ладно, во имя богов и пропавших драконов тогда давай выпьем с тобой. Все-таки мы не виделись два года, а с тех пор много воды утекло.

Мужчины подняли свои кружки, и она решила, что обязана присоединиться к ним. В конце концов, выпить вина после всего пережитого в последние дни было совсем неплохо. Кроме того, ей очень хотелось познакомиться с этим веселым здоровяком.

Она подняла свой бокал и по очереди прикоснулась к кружкам каждого из сидящих. Мужчины переглянулись, но без разговоров выпили до дна. Гаргантюа вытер свои усы и обратился к Регану, не пытаясь снизить уровень своего баса.

– Здорово, здорово. Вот видишь, Шайла зря сомневалась, девушка точно происходит не из наших мест. Но когда же ты меня представишь? Давай, что ли, налей еще, и я представлю себя сам.

Реган подлил им и только теперь обратил внимание на Дану. Девушка сидела с закрытыми глазами, и по ее губам блуждала мечтательная улыбка. Вино, которое она, казалось, только пригубила, терпкая сладкая жидкость побежала в ее венах теплой бурлящей волной, внутри словно вспыхнуло пламя и сразу же погасло, но новые ощущения, необыкновенные ощущения остались.

Девушка распахнула глаза и встретилась с задумчивыми серыми глазами. Что-то было в этом взгляде, что-то, что не удалось разглядеть раньше, еще несколько часов назад, что-то, что заставило пробить дрожью все тело. Дана поспешно опустила глаза и одним глотком допила оставшийся в кружке напиток. И это помогло, ей сразу стало легко и свободно. Странное вино, крепости не чувствуется, но она как-то быстро захмелела. Самое время расстегнуть еще одну пуговицу на блузке.

Гигант словно ждал этого момента, еще раз плеснул всем вина и, подняв свою кружку, неожиданно подмигнул девушке.

– Да, раз наш молодой герой тушуетя в присутствии столь прекрасной дамы, я вынужден представиться сам. Итак, меня зовут Теренций. К несчастью, из тех самых римских Варронов, что лишились многого, но по-прежнему известны не только в Вечном городе. Теренций Варрон. А вы, моя прекрасная незнакомка, признавайтесь, почему такая печальная и такая молчаливая?

И вновь она сдержалась еле-еле, желание похвастаться вновь приобретенным умением было огромным. Но что-то пока еще сдерживало, останавливало ее. На самом деле обладание способностью, о которой никто не знал, давало ей хоть какую-то защиту, оружие в этом мире, о котором она пока ничего не знала.

Дана просто улыбнулась Теренцию и подняла кружку. На этот раз она не стала больше пытаться чокнуться с мужчинами. Оба сидящих рядом собутельника не стали медлить и тоже приподняли свои кружки. Римлянин продолжал широко улыбаться. Она чисто автоматически на секунду скосила взгляд и тут же отвела глаза. Реган, все так же нахмурившись, рассматривал ее в упор поверх кружки. “Ну и ладно!”

Она сделала глоток и неожиданно для себя, глядя в глаза гиганта произнесла:

– Я – Девана.

Девушка совершенно не любила свое необычное имя. Конечно, такое случается нередко. И всегда находится какая-то причина, случайная или имеющая самое непростое обоснование. У нее оно ассоциировалось со словом “дева” и всякими шепотками и пересмешками за спиной. Хотя на самом деле имя означало совсем другое, и характер ее прообраза был совсем иным, не тем, свойственным самой Дане, но любое упоминание заставляло ее расстраиваться. Кроме того, на этом имени якобы настоял ее загадочный отец, который не появлялся уже много лет. Мать даже пыталась убедить ее, что он умер, но при этом как-то странно вела себя, словно в глубине души сама надеялась на другое.

Так что, произнеся свое полное имя в знак знакомства с римским патрицием, а с таким именем и фамилией он обязательно должен был быть патрицием и еще каким-нибудь сенатором или легионером, она очень удивилась самой себе.

Но на ее новых знакомых имя подействовало сильнее, значительно сильнее.

Улыбка исчезла с лица итальянца, и он поставил недопитую кружку на самый край стола. Реган, лица которого она не видела, поперхнулся и закашлялся, потом одним глотком допил вино.

Наступила тишина. Девушка переводила взгляд с одного мужчины на другого. Теперь выражение у обоих было одинаковое – кислое. Наконец римлянин обратился к хозяину.

– Я понимаю, что это ее полное имя. А то, что ты называл – краткое. Попробуй ей как-нибудь объяснить, что громко объявлять его в присутствии других людей, мягко говоря, не рекомендуется. Особенно...

– Что не рекомендуется? Что вы тут уже сговариваетесь? Что-то опять с девушкой?

На пороге стояла Шайла и рассматривала их всех, стараясь распознать признаки произошедшего, изучая прищуренными глазами выражение лиц всей троицы.

Именно сейчас Дана смогла по-настоящему разглядеть эту женщину. Пожалуй, она была намного старше тридцати лет. Может быть, даже под сорок. Хотя никаких, почти никаких намеков на морщинки на её коже не было видно. Но все-таки она уже была немолода. В темно-синем, почти черном платье, украшенном по подолу вышивкой в виде цветочного орнамента, с кружевным воротником, почти такими же темными манжетами и знаком трилистника на груди. И еще на поясе, красиво подчеркивающим талию женщины, в темно-синих ножнах висел кинжал. Оружие на стройном теле в таких же синих ножнах с серебряными кольцами смотрелся неожиданно гармонично и довольно воинственно. Особенно сейчас, когда женщина решительно направилась к Дана и попыталась схватить ее за плечо.

Девушка неловко вскочила, опрокинув стул и чуть не перевернувшись вместе с ним. В последний момент Реган поймал ее буквально в метре от встречи с приключениями на одно весьма дорогое для нее место.

А Теренций пробурчал что-то очень недовольно, и она, поддерживаемая внизу крепкими мужскими руками, даже посмотрела на него с огромным удивлением.

Но римлянину было как-то не до смеха. Он отвернул голову и повторил:

– Девушка назвала свое имя. То есть полное имя.

По-прежнему хмурясь, Шайла отступила на шаг, словно побоявшись, что в момент падения Дана может сбить ее с ног.

– Да? И какое же имя она назвала? И что вообще сказала?

Великан еще секунду помедлил и скосил взгляд на девушку, которую Реган уже сумел поставить на ноги, но на всякий случай осторожно придерживал за плечи.

– Девона.

У него имя прозвучало немного по-другому, чуть мягче. Он словно произносил “о” вместо “а” и слово, благодаря этому, было каким-то чужим и в то же время знакомым, очень знакомым. Она уже слышала когда-то, как ее имя произносили именно так.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Дана вдруг ощутила, какая горячая у мужчины рука, и как этот жар ощущается сквозь тонкую рубашку. Она медленно и аккуратно вывернулась из этих объятий и, не глядя, отвела его руку в сторону.

Женщина некоторое время помолчала, машинально поглаживая левой рукой навершие своего кинжала с каким-то огромным темно-синим камнем. Дана с удивлением заметила, что произнесенное имя по-настоящему взволновало ее, и она изо всех сил старалась успокоить дыхание.

Наконец она потрясла головой, взметнув облако темно-русых волос. И когда успела их распустить?

– Мы уезжаем завтра. Все вместе. Реган, это не обсуждается. Слишком важно все произошедшее, и тебе не время прятаться по пустякам. А сейчас...

Она вдруг наклонилась и, подняв руку, прикоснулась к волосам девушки.

– Этого... не было. Когда я уходила. – она оглянулась на Теренция. – Надеюсь, это не шутка?

Римлянин пожал плечами. Он явно не понимал, в чем дело.

– Реган, я тебя спрашиваю!

Она внезапно почувствовала его дыхание у самой шеи. В нем было море, странный, резкий запах. Наверно, водоросли. И в то же время он был по-особому притягательный, сбивал с толку. Она дернула головой и скривилась от боли, Шайла держала ее за волосы. Дана подняла руку и попыталась отцепить пальцы женщины.

– Да, я вижу.

Шайла отпустила пряди и вновь метнулась к двери. Уже буквально на бегу она бросила:

– Девона, я жду тебя на улице. Мужчины уберутся сами. В конце концов, Реган должен уметь все, раз уж он здесь живет столько времени.

Девушка направилась за нею, словно автомат, механически переставляя ноги и стараясь не обращать внимания на взгляды мужчин. Кажется, в их взглядах можно было заметить жалость.

Улица встретила ее серостью и накапывающим дождем. “Как в Прибалтике”, – подумалось, и она нерешительно остановилась, не желая выходить из-под навеса. Гулять в такую погоду в одной мужской рубашке означало попросту простудиться.

Дверь за спиной хлопнула, и через секунду Реган уже накинул ей на плечи куртку такого же темно-синего цвета, как и платье Шайлы. Она вновь медленно отодвинула одну за другой его руки, замершие, словно в нерешительности, и одновременно прикасающиеся к ней, к ее плечам с каким-то намеком.

Куртка – это было хорошо, очень хорошо. Тепло. Прибавила шагу, стараясь не оглядываться. Женщина ждала ее у самой кромки воды, в том самом месте, где она выбралась на тропу к дому всего-то два дня тому назад. Морская гладь была спокойна, и только откуда-то совсем издали доносился голос двигателя парходика, покинувшего остров.

Здесь, на берегу, выпрямив спину, женщина казалась еще стройнее, но, подойдя к ней, Дана с удивлением обнаружила, что она, пожалуй, совсем не так высока, и даже сейчас, без каблуков, легко могла бы улыбнуться, глядя этой женщине прямо в сердитые глаза.

Они некоторое время стояли молча. Дана смотрела на море, так похожее на то, у которого она любила отдыхать, приезжая в Польшу. Прозрачная волна лениво колыбалась, бережно касаясь кромки берега с рассыпанными там и сям сглаженными многими годами крупными и мелкими камнями.

Море везде одинаковое, как и земля. А вот люди... Люди могут быть совсем другими. Хотя здесь они, кажется, обыкновенные. Почти обыкновенные. Она чувствовала, что в мужчинах было нечто, что притягивало, манило. А в Шайле? Пожалуй, тоже. И еще что-то совсем неуловимое, что-то, к чему хотелось прикоснуться, потрогать и даже погладить.

Эта мысль рассмешила, и она невольно улыбнулась. И сейчас же взявшийся словно из ниоткуда порыв ветра заставил ее поправить разметавшиеся волосы. У Регана не было ничего, что могло бы помочь хоть как-то справиться с шевелюрой. Даже гребень он отдал ей свой.

– Я не знаю, откуда ты и почему не хочешь разговаривать. Хотя можешь.

Словно поймав момент, когда девушка чуть расслабилась, Шайла вновь заговорила, даже не поворачиваясь к ней, как будто просто продолжая вслух прерванную чуть ранее беседу с невидимым никому, кроме нее, собеседником.

– Ты можешь обмануть мужчин, которые не видят ничего, кроме твоих сисек. Но не меня. Я вижу, как ты реагируешь на сказанное ими и молчишь. Твое молчание тревожит. Как и имя, которое ты назвала, книга, которую ты явно читала и раскрыла именно в том месте, на той строфе, которую декламировал наш толстяк.

Шайла медленно двинулась к кромке воды, подняла плоский овальный камешек и ловко запустила его скакать по воде. Один. Два. Три. Четыре... Что-то странное отозвалось, и Дана ощутила нечто в этом бесконечном, необыкновенном движении камня. Что-то, что связывало его с женщиной, внимательно следившей за его прыжками.

“Так это выглядит у них. Странное чувство”. Она почувствовала, как нить, соединяющая камень и Шайлу, ослабела, а затем вообще распалась. И вместе с ее исчезновением исчез и камень, беззвучно погрузился в воду где-то там, далеко, там, где его уже нельзя было ни увидеть, ни услышать.

Но что-то осталось – круги, расходящиеся от Шайлы в пространстве. Убегающие во все стороны, хоть и невидимые глазу. Слабые и слабеющие с каждой секундой, затихающие, но почти осязаемые. Трепещущие, такие живые, но очень-очень слабые. Их было жаль, ведь если бы у них было чуть больше силы, они могли бы добежать, долететь...

Эта мысль заставила ее робко поднять руку и неведомым ей образом коснуться одной из этих тихих, едва различимых полос, стремящихся за горизонт. Полоса вздрогнула, словно налетевший порыв ветра задел гребень слабеющей волны,

порвав его на части и породив вздыбленный белой пеной вал. Эта энергия будто бы самым необыкновенным образом передалась другим волнам, и они понеслись за горизонт, а из тела Шайлы рождались новые и новые.

“Теперь они точно долетят... Куда?” Дана очнулась словно ото сна, когда услышала топот бегущих ног.

– Что ты делаешь, Шайла? Зачем ты тратишь столько сил?

Теренций срывался на крик, а Реган пытался удержать его двумя руками буквально в двух шагах от застывшей женщины.

– Это было так... прекрасно.

Мужчина замолчал и медленно освободился из объятий своего друга.

– Шайла, это невозможно. Ты сошла с ума. Ты вообще сейчас должна лежать у наших ног без сил.

– В этот раз вы ощутили? Услышали? Да, наверно, весь мир услышал. Понимаешь, я хотела показать нашей гостье фокус. С камешком. Мне хотелось, чтобы она расслабилась. Немножко. А то она какая-то заледеневшая. Неживая.

– Еще бы. Такого никто не слышал уже давно. Правда, в мире уже давно некому это слушать. Надеюсь, девушки в академии не испугались.

– Я думаю, главное, чтобы учителя не испугались. Девушки, скорее всего, не особо поняли, что это.

– И все же, Шайли, как ты сделала это и как ты сейчас себя чувствуешь?

Женщина подошла к Теренцию и совершенно неожиданно, встав на цыпочки, обняла и коснулась губами его щеки. Отпрянув через мгновение, она широко улыбнулась.

– Я чувствую себя великолепно. Я чувствую себя потрясающе. Энергия меня переполняет. Ее больше, чем было до этого. И я начинаю подозревать, почему.

Она обернулась к Дане, которая все еще ощущала волны, исчезающие где-то далеко за горизонтом, и утихающий, мерцающий источник этих волн рядом с нею.

- Мы не пойдем сейчас гулять, девочка.

Шайла сжала ее руку и потянула за собой к дому. Ноги тонули в песке и не хотели идти, Дана пыталась сопротивляться, оставаться на берегу и чувствовать, как эта сила волнует, было действительно прекрасно. И так хотелось узнать, отзовется ли кто-нибудь. Поймет ли. Зайдя в дом, женщина потащила ее в дальнюю комнату и подвела к шкафу, в котором хозяин, судя по всему, хранил всю свою одежду.

- Раньше это было у него здесь.

Она распахнула дверцу, на которой привычно с внутренней стороны потемневшего от времени дерева висело зеркало. Маленькое, мутное, в нем невозможно было почти ничего разглядеть. Женщина наклонила ее к стеклу почти силой. Боль отозвалась в плече, но через секунду это уже было совсем неважно.

Увиденное заставило ее мысли заметаться в бешеном танце. Несколько прядей волос приобрели огненно-рыжий, почти красный цвет. Эти пряди ярко, торжественно выделялись на фоне ее светло-русых волос.

Глава 5. Реган. Знаки сомнения

Письмо с требованием вернуться. Реган перечитывал его, наверно, в двадцатый раз и до сих пор не знал, что ему делать. Скомканная бумага под столом обозначала два варианта написанных, но неотправленных посланий. Нет, на самом деле ему нечего ответить. Признать, что силы покинули его окончательно, было совершенно невозможно. Продолжать приходить на занятия вместе с хихикающими девицами, которые, по крайней мере, способны зажечь огонек или сдвинуть с места чернильницу, и делать вид, что для него это все слишком мало и неинтересно, учить тому, во что уже сам не верил - нет, для

него это было невозможно.

Кроме того, семья... На самом деле, у него ее давно уже нет. Как объяснить тетке, что больше не способен никому помочь, что все, кто надеялся на него, теперь ничего не дождутся. Лампа за спиной почти не светила. Хорошая причина больше не пытаться придумать хоть какую-то причину, почему он должен оставаться в клановом владении на этом острове.

Можно долго изучать историю, которая по официальной версии никогда не существовала. Не существовала, но все знали, что была. Кстати, вот на самом деле и замечательная причина. Только напишет он совсем не Шайле, а Теренцию. Он поймет, что сейчас лучше всего держаться подальше от происходящего в Паризии и Лионе. Да и вообще, вся Кельтика сейчас становится не самым гостеприимным местом для мага. Даже для бывшего и недоучившегося до официальной степени.

И все-таки он сделал в своей жизни многое. Воспоминания нахлынули, и вдруг сделалось душно и грустно. Все-таки хорошо, что сейчас, здесь, никто не помешает ему заниматься разными глупостями.

Например, почитать Гамилькара. Вернее, даже не почитать. Первое, якобы прижизненное издание он любил не просто читать, но часто декламировал, пытаюсь найти в звучании необыкновенных слов что-то такое, что позволит открыть тайну древней книги. Но сейчас, сейчас читать не очень хотелось. Тишина, охватившая дом, словно магическая аура, не оставляла места ни для чего иного. Разрушить настроение, пожалуй, было бы не самым верным поступком. Звуки моря у раскрытого окна – вот что было самым необыкновенным фоном для того, чтобы вновь пересмотреть иллюстрации. Ах, иллюстрации, картины, рисунки, которые словно оживали от прикосновения, и, казалось, горы на них поднимались все выше и выше, ветер грозно завывал в парусах кораблей, огонь драконов обжигал, а девушка, девушка, изображенная на развороте, один в один с фреской на стене их семейного алтаря, казалось, дышала по-настоящему, и от ее взгляда невозможно было оторваться.

“Взгляд ее

Взгляд дракона

Кровь дракона

Знак силы

Власть

На все времена”.

Надпись на древнекельтском. Что означали эти слова, и как они были связаны с безмятежной улыбкой рыжеволосой девушки, объяснить не мог никто. А то, что образ, судя по всему, был скопирован из книги, оставалось его личной тайной. Магической, необыкновенной юношеской тайной.

Рассматривая фреску, он всегда ощущал странное волнение. Изображения в храме, построенном, скорее всего, во времена правления первых галльских королей, до великого нашествия, отображали кельтских богинь, но почему главным изображением была именно фреска этой с этой девушкой? Она не подходила ни под одно описание из всего не очень многочисленного пантеона, нигде, ни в каких священных книгах ее не было. Только мимолетное упоминание в творении Гамилькара. Кельтское имя в книге финикийца – пуна, которому якобы сами драконы рассказали свою историю. Сказка о сказке.

И вот у портрета этой девушки он когда-то проводил почти все свое свободное время. Для мальчика, молодого человека, эта тайна, эти глаза приобрели особое значение. Наверно, будь у него мать, она бы поняла и объяснила, что не стоит уделять столько внимания той, что, судя по всему, умерла много лет тому назад. Будь у него отец, он нашел бы, чем занять своего наследника, ведь мужские привычки всегда заставляют проводить много времени вне дома.

Но у него были только учителя. Учитель фехтования, учитель географии и истории, учитель языков. И надзиратель. Представитель академии, молодой скучающий неудачник, который, по идее, должен был проследить, чтобы Реган не сотворил что-нибудь случайно себе или окружающим своей дикой магией. Вряд ли парень со своими слабыми проблесками искусства мог бы как-нибудь помешать мальчику, обратиться тот к магии на самом деле, но Регана интересовали только истории, которые рассказывал Теренцио, и фреска в храме.

А потом они все уехали в академию.

На столе лежали и другие письма. Вежливое удивление от секретаря министра двора. Грозное письмо от секретаря министра образования. Своим отъездом он вызвал неудовольствие у многих влиятельных особ. Происшедшее заставило их обратить внимание на представителя старинного рода. Его познания, возможно, могли быть полезны, скорее всего, очень интересны, но и опасны. И стоило отметить, оба письма подписаны служащими министерств, конечно, от имени министерств. Но не министрами.

На самом краю стола лежал нераспечатанный белый конверт. Церковь Неделимого бога тоже что-то хотела от него. Но тут уж им не о чем разговаривать. Опасные фанатики, последнее время старательно преследующие всякого, кто хотя бы упоминал магию или поклонялся официальному пантеону богов.

Смешная история, значение старых религий никто официально не отменял, как и мистерии в их пользу, но участников подобных богослужений становилось все меньше. И действительно, какая разница, кому из богов приносить жертвы, ведь свидетельств их существования давно не заметно. Впрочем, теперь то же самое можно сказать и о магии.

А люди в белом становились все более настойчивыми и властными. Все более безжалостными. Да, именно это слово лучше всего подходило к служителям всеблагого и всемилосердного. Их призывы запретить все другие религии когда-то встречали только усмешку, потом непонимание, неудовольствие, а в последнее время гримасу страха у многих.

Сейчас, когда на востоке бушевала война, служители нового бога, уже не скрываясь, требовали для себя власти. Они обещали объединить в новой религии все королевства и республики и дать отпор огнепоклонникам.

И первое, к чему они призывали – искоренить всякие отголоски магических ритуалов. Раньше, когда десятки магов могли в любой момент продемонстрировать власть древних богов и воскресить память о драконах, такое не могло прийти в голову. А теперь же, когда число практикующих старую силу можно пересчитать на пальцах одной руки, быть одним из них становится опасным занятием.

Да и нужна ли сейчас магия. В век общечеловеческого прогресса? Реган горько усмехнулся. Даже самому себе он не мог признаться, от кого он спрятался на этом клочке земли, от церковников или промышленников? И те, и другие, скорее всего, были несказанно рады его исчезновению. А он, он просто ожидал, когда остатки странных сил покинут его, и он сможет просто спокойно наслаждаться обычной жизнью. Может быть, даже вернется в родовое имение.

Наслаждаться, ну конечно.

Что-то он отвлекся, за окном уже темнело, и для того, чтобы все-таки почитать сегодня, пришлось вновь вернуть жизнь светильнику. Вот все-таки минус его отшельничества – в столице уже есть газовое освещение, поговаривают и о новых необыкновенных изобретениях.

Реган поморщился. Изобретения, конечно, вещь замечательная, но вот некоторые изобретатели... Впрочем, сейчас у него нет под руками этих изобретений. Он кинул последний взгляд в книгу, так, как будто бы не помнил все детали образа наизусть.

Странное имя у девушки. Теренций не мог найти каких-либо объяснений, почему она была изображена в этой рукописи. Более того, в других, более поздних изданиях Хроник драконов, ни этой иллюстрации, ни тем более упоминания о девушке с удивительным именем Девона не встречалось. В хрониках вообще ничего не говорилось о девушках. Только о магической силе, войнах и приключениях. Да, драконы, кажется, любят похищать девушек, но вот это уже точно сказки.

Реган захлопнул том. Интересно все-таки было бы во всем этом разобраться, кто эта девушка и почему ее так зовут.

И почему эта картина так ненавистна его тетке.

Первый отзвук пришел в то же мгновение где-то далеко на юго-западе, стоило сомкнуться страницам. Слабый, но такой отчетливый. Он никогда не ощущал ничего подобного. Выброс магической энергии, чистой, свободной. Ощукая этот прилив каждой мельчайшей частицей, его тело откликнулось, отозвалось каким-то необъяснимым ликованием. Еще мгновение, и маг буквально запрыгал бы на месте от избытка переполняющей его силы. И в этот момент все повторилось.

Еще более сильный всплеск где-то далеко, и спустя мгновение, практически одновременно, слабый, еле уловимый, рядом, совсем близко, буквально в нескольких шагах от дома.

Сияние силы уже затихло, а Реган все не решался сделать шаг. Наконец он понял, что должен взять себя в руки и пойти посмотреть, что же там такое. Что ждет его на берегу.

Глава 6. Дана. Признаки понимания

Сон.

Я сплю. Наверно.

Воздух. Дышу.

Вдыхаю. Странное.

Ощущение.

Притяжение. В полете.

Крылья. Держат.

Неощутимые.

Расправленные.

Красивые. Наверно.

Можно. Любоваться.

Во сне.

Улыбнуться.

Выдохнуть.

Не открывая.

Глаз.

Не отрывая.

Взгляд.

Зажмурившись.

Чтобы. Удержать.

Не смотреть.

Ощутить.

Дыхание рядом.

Летающее.

Во сне.

Один круг в вышине над замком. Другой. Только ветер в ушах. Взмах крыльями, медленный. Выше к солнцу. Красивое место. Ему здесь очень нравилось. Гораздо лучше, чем тот мир, который он был вынужден покинуть. Еще круг, и ощущение, как удар. Ну что же, ее образ все еще стоял перед глазами. Может быть, не красавица. А может быть, это вообще не она. Хотя, нет. Это, конечно, она, один взгляд, трепет ресниц. Призывавшая, не раздумывая. Сможет ли он стать тем, кто ей необходим? Во всяком случае, он знает, что должен делать.

Еще круг. Как прекрасно ощущать эту силу, дышать ею, выдыхать ее! Еще круг. Теперь он направится на север. На север, туда, где холод и ждущее его тепло. Еще один круг.

По лестнице внизу несколько фигурок в черном карабкались по ступеням, настойчиво пытаюсь забраться наверх. Внизу у ленты прибоя на волнах бился кораблик с треугольным парусом и черным вымпелом.

Пожалуй, ему стоило бы подготовиться к встрече гостей.

* * *

Теперь она уже чувствовала себя лучше. Во всяком случае, в этом платье Дана чувствовала себя намного увереннее. Удивительно, как Шайла смогла подобрать размер на глаз и почти не ошиблась. Утром, проснувшись, она обнаружила рядом пустую постель, а у изножья целый ворох одежды. Белье, платье того же темно-синего цвета и почти с таким же орнаментом, как и у вчерашнего наряда главы рода Регана, туфли на невысоком каблукке.

Вчера вечером, вернувшись в дом, женщина объявила, что спать они будут вдвоем на кровати, а мужчины могут поискать себе место для ночлега как в доме, так и вне его. Никто не пытался возразить, включая и не знающую языка “иностранку”.

Ночью, когда Дана лежала, уставившись в темноту над головой, она слышала размеренное, спокойное дыхание этой женщины, которую можно было назвать... Интересно, как действительно ее можно было назвать? Колдуньей? Волшебницей? Ведьмой?

А как можно было назвать ее?

Проснувшись и не обнаружив рядом соседку, она позволила себе немного поваляться. Кто знает, может быть, это были последние минуты, когда что-то зависело только от нее. Может быть, можно отказаться ехать, что-то требовать? Хотя, как, ведь она даже не знает, где находится! У нее нет ничего, ни одной своей вещи. Документов. Тут она даже прикусила губу. Непонятно, есть ли здесь какие-то документы. И вообще, какой у нее социальный статус? В голове не умещалось, что она вот так оказалась вырвана из своего мира.

Ну что же, есть и плюсы. Во-первых, попала не в какой-то дикарский мир, ее не бьют, не насилуют. Люди, с которыми она встретилась, довольно милые. Во всяком случае, интересные. Некоторые даже очень.

Чайник на плите был почти горячий, и она сделала себе чаю. Никто не появлялся, и некоторое время Дана просто рассматривала в окно серые тона сегодняшнего утра. Погода была так себе, берег затянула дымка. Но хоть дождя не было. И ветра. Казалось, на дворе было совершенное, мертвое безветрие и тишина. Пребывая некоторое время в раздумьях, куда же подевались все обитатели дома, она решила посмотреть, что же за одежда лежит на кровати.

Белье некоторыми своими особенностями заставило улыбнуться, Дана похихикала, представив, для чего они могли служить. Огорчило отсутствие бюстгалтера. И чулки весьма необычные. Простая длинная сорочка. Но главное, платье, хоть и сильно приталенное, было самым обыкновенным, длинным, без выреза, но зато хорошо сшитым и теплым. В таком платье она не будет мерзнуть здесь даже у моря или на вершине дюны. И белье, и платье были практически впору, и это заставляло ее задуматься. Конечно, Шайла несильно отличалась от нее формами и размером фигуры, но все-таки было удивительно, откуда она взяла все это, ведь вчера она не заметила в комнате каких-либо сумок или чемоданов.

Дана попыталась рассмотреть себя в зеркале, но взгляд постоянно задерживался на рыжих прядях. Не может цвет измениться так быстро. Конечно, волосы можно испортить, если пользоваться не своей расческой. Во всяком случае, мама так говорила. Но это не может произойти так вдруг, внезапно. Она прикоснулась к почти огненным прядям. Огонь, огонь сжигает, заставляет чернеть. Не может же пламя застыть, превратиться в это!

Дверь за спиной скрипнула, обернувшись на звук, девушка замерла под взглядом знакомых глаз. Что-то сегодня было по-другому, Реган сменил внешний облик. Сегодня он оделся в куртку такого же цвета, как и платье Шайли. Эта куртка немного напоминала форменную, он и раньше выглядел достаточно мужественно, а теперь ей стало понятно, что своим небрежным, слегка запущенным обликом этот человек прежде просто старался обмануть сам себя. На груди был вышит такой же трилистник, как у ведьмы. Она сама не понимала, почему этот знак, словно объединяющий Шайлу и Регана, вызвал у нее внутреннее неприятие. Понимание, что этих двоих что-то может объединять,

заставило сердце забиться в каком-то неуверенном, нервном ритме.

Мужчина заметил взгляд, устремленный на трилистник. Сначала он нахмурился, а потом улыбнулся и развел руками. Дану эта улыбка только рассердила и заставила вновь обратиться к зеркалу. Несколько секунд они так и стояли в молчании, она делала вид, что в очередной раз изучает свое отражение, и почти физически ощущала, как он рассматривает ее.

В принципе, это было приятно, но в то же время странно, ведь он раздевал и одевал ее в ту ночь. Он мог рассмотреть ее тело в мельчайших подробностях. Эта мысль заставила вдруг покраснеть. И все же. Он сейчас смотрит, смотрит так, что мурашки по коже.

Вообще же мысль прикинуться ничего не понимающей уже не казалась ей такой уж идеальной. Но найти внятное объяснение своему знанию языка она не могла, а тем более объяснить якобы обман было вообще невозможно. В конце концов она решила отпустить эту проблему и отложить решение на потом.

Мужчине, судя по всему, надоело ждать, и он изобразил пальцами идущего человечка.

– Идем.

Дана невольно улыбнулась и медленно повторила.

– Идем.

Скорее всего, это и было замечательным решением. Она указала рукой:

– Идем?

– Идем. Это – дверь.

Подождав две-три секунды, она собрала оставшиеся вещи и огляделась.

Мужчина вынул вторую руку из-за спины и подал ей совершенно обыкновенную корзинку с крышкой. Заглянув туда, девушка обнаружила несколько простых, но совершенно необходимых вещей. Посмотрев в сторону Регана, она решила, что

сейчас не самое лучшее время для изучения этих антикварных предметов, аккуратно сложила оставшееся белье и повторила.

– Дверь. Идем?

Мужчина только покачал головой. Она вышла на улицу и подставила лицо налетевшему свежему ветерку. Морской воздух со своими необыкновенными ароматами всегда вызывал у нее приступ необъяснимо хорошего, оптимистичного настроения. И она, размахивая корзинкой, направилась к остальным новоприобретенным знакомым, ожидавшим у самой кромки воды.

Из воды поднимался маленький, практически символический причал, у которого замер, чуть покачиваясь на волнах, черный кораблик. Весь он с высокой трубой словно сошел с иллюстраций историко-романтических романов или же приплыл из фильма о Шерлоке Холмсе. И внешний вид суденышка в совокупности со всеми остальными встреченными ранее предметами и вещами заставил на минуту даже представить, что она переместилась в девятнадцатый век на какой-то невообразимой машине времени.

Итальянец сделал несколько шагов навстречу, широко раскинув объятия.

– Какое приятное преображение! Возможно, вы и не понимаете моих слов, Дана, но не могу не сказать, что вы крайне милы, и этот, пускай и весьма скромный наряд вам весьма к лицу. Не правда ли, Шайла?

Женщина окинула ее весьма придирчивым взглядом, а потом еле заметно кивнула. Удовлетворение промелькнуло на ее лице.

– Да. Я вижу, что не ошиблась. Но нам надо спешить, Теренций.

Шайла повернулась и на несколько секунд замерла перед трапом из грубо строганных досок, сброшенным с борта катера на импровизированный причал. Дождавшись римлянина, она уверенно подала ему руку и шагнула на борт судна.

Дане оставалось только наблюдать за ними. Попробовать забраться на борт кораблика самой она бы не рискнула.

– Идем.

О, это слово она уже “знала”. Жаль только, в голосе Регана вновь не слышалось особой радости, но зато можно было почувствовать теплоту в ладони. Мужчина уверенно взял ее за руку и потянул за собой.

Под безразличными взглядами нескольких столпившихся на носу судна моряков они поднялись на борт и протиснулись к маленькой надстройке на корме. Честно говоря, удобства были весьма относительными. Кабина была собрана из деревянных досок, обшитых тонким металлическим листом, окрашенным в белый цвет. Внутри три лавки по периметру.

Во всяком случае, это была крыша над головой, что явно было кстати, так как в воздухе уже повисли первые капли то ли дождя, то ли просто брызг, налетающих от разбивающихся о камни волн. В общем, она укрылась внутри с удовольствием.

Дана любила море и даже пару раз плавала на больших судах из Таллина в Хельсинки, но там поверхность моря была далеко, и сами паромы представляли из себя морские городки развлечений. А сейчас ей предстояло отправиться в путь на этом суденышке. Прямо по волнам.

Мужчины не стали прятаться под крышу. Они расположились на самой корме, рядом с трехцветным флагом. Флаг был неизвестных Данае цветов. Во всяком случае, раньше она такого не видела. Впрочем, это было неудивительно.

Послышалась команда, топот ног, а затем вновь раздался знакомый звук. Двигатель заработал, постепенно ускоряя ритм, и первые клубы черного дыма начали проноситься над головами сидящих мужчин.

Еще минута, и она почувствовала, как, покачиваясь на встречных волнах, катер двинулся вперед. Некоторое время царило молчание. Мужчины отвернулись и рассматривали морскую гладь, Шайла, сжав губы и выпрямив спину, делала вид, что она здесь вообще одна.

Дана погрузилась в свои невеселые мысли. Очень хотелось понять, куда они сейчас направляются. Все-таки мир, куда она попала, очень похож на цивилизованный, но что ждет здесь девушку без роду и племени, без

родственников, без документов? А ведь в девятнадцатом веке уже, кажется, существовали документы. Может быть, сейчас ее передадут какой-нибудь местной полиции и забудут? Хотя вряд ли. Наверно, тогда ее не стоило одевать и обувать так тщательно. Дали бы какие-нибудь тряпки. Она нервно пошевелила пальцами, сцепленными на коленях рук.

– Красивый маникюр. У нас такие мастера наперечет.

От неожиданности девушка вздрогнула. Шайла приподняла ее кисть и начала с интересом изучать. Потом наклонилась к плечу Даны.

– Дорогая моя девочка, я никогда такого не видела. Тебе придется рассказать мне не только про то, что произошло на берегу. Но ничего, дома у нас будет для этого достаточно времени.

Шайла вновь отодвинулась и, откинувшись к стене, закрыла глаза. Дана не знала, что обо всем этом думать. Маникюр как маникюр, розовый лак, рисунок с черным узором. Вообще, после двух таких дней, дома она бы уже пошла к мастеру. Да и вообще она бы уже много чего сделала. Воспоминания заставили сразу же переключиться на негодяя, который, видимо, совершенно не понял, что произошло, и наверно сейчас даже разыскивает ее с полицией. “А вот хрен тебе, дорогой!”

Она обратила внимание, что мужчины на корме оживились и сейчас рассматривали что-то на горизонте, по очереди прикладывая к глазам настоящую подзорную трубу. Через минуту Реган прошел мимо их убежища, и спустя несколько секунд она услышала, как участился ритм двигателя их суденышка. Дым повалил уже сплошными черными клубами, застилая за ними водную поверхность и горизонт с кораблем. Корабль, парусник, это Дана сумела разглядеть без всякого увеличительного прибора.

Теренций направился к ним, и девушка обнаружила, что ее спутница совсем не дремлет, а кусает губы в ожидании римлянина.

– Шайла, клипер без флага. Идет нашим курсом и быстро нагоняет.

– И что же?

– Мы можем не успеть дойти до порта. Намерения этого судна нам неизвестны, но что-то мне подсказывает, что его экипаж успел побывать в обители нашего отшельника. Не знаю, что его там интересовало.

Тут Теренций кинул внимательный взгляд на Дану, и девушка увидела в его глазах, нет, не страх, озабоченность, да. И непонимание.

– Ну так дайте команду владельцу этого корыта поторопиться!

– Уже. И он поторапливается.

Тут он оглянулся.

– Но это не очень помогает.

Теперь это была уже не озабоченность. Тревога.

“Капитан очевидность”. Дана почувствовала, как по спине побежал холодок. Шайла встала и взяла из рук итальянца трубу. Некоторое время она смотрела на приближающийся корабль.

– Теренцио, позови Регана. Срочно.

Дана, как зачарованная, следила за приближением парусника. Казалось, что необыкновенное судно летит по морской поверхности, изо всех сил тянется к ней, она буквально чувствовала устремленность людей на борту, их желание выполнить поставленную кем-то главную цель, догнать их катер, остановить, потопить его. И схватить ее. Именно ее. Она в ужасе обхватила себя руками и почувствовала, как внутри нарастает странная волна. Эта волна ищет выхода. И пока не находит.

Спустя несколько секунд Дана не выдержала жара, пылавшего внутри, и подошла к Теренцию, глубоко вдыхая морской воздух, и изо всех сил вцепилась в фальшборт суденышка.

Шайла последовала за нею и некоторое время сквозь клубы дыма старалась разглядеть приближающийся корабль. Итальянец наконец исчез у них за

спинами, а женщина повернулась к девушке.

– Дорогая моя, сейчас самое время рассказать мне все. Ты знаешь, кто эти люди?

Дана машинально покачала головой и только после этого, спохватившись, сердито нахмурилась. Женщина сощурила глаза и уже собралась задать какой-то вопрос, но передумала и приложила ладонь ко лбу, стараясь рассмотреть приближающийся парусник.

– Реган, наступил момент собраться с силами и сделать что-нибудь. Ты видишь, при таком ветре судно настигнет нас через несколько минут. Теренцио, как думаешь, кто это? Норги, персы, сарматы? Африканские пираты?

– Не знаю, донна. На таком расстоянии я не могу различить лиц, а ни флага, ни названия судна нет. Это более чем странно.

Шайла повернулась к Регану, и в это время раздался необыкновенный, странный шелест, и сейчас же фонтан воды поднялся по левому борту. Возможно, в других условиях Дана даже не обратила бы на это никакого внимания, но сейчас страх пронзил ее до глубины души. По ним стреляли.

– Не бойся! Они нас так предупреждают, тем более паровое орудие требует долгой подготовки для выстрела.

Реган приобнял ее за плечи, и на этот раз она была даже благодарна. Шелест и всплеск по правому борту не дал мужчине закончить, и он вздрогнул и сжал кулаки.

– Шайла, что я могу сделать? Это судно может одинаково быстро идти и против ветра!

– Дорогой, если ты не сделаешь чего-нибудь в ближайшие пару минут, твоей подружке, да и нам вместе с нею, придется плохо.

В это же мгновение раздался стук, и арбалетная стрела, пролетев в каких-то сантиметрах над их головами, ударилась в перегородку пассажирской кабины. Дана не выдержала и, вырвавшись, закрыла лицо руками. Огонь внутри нее

метался, словно не мог определиться, в каком направлении ему выплеснуться. И вдруг это направление нашлось. Она смогла набраться сил и взглянуть.

Реган оперся обеими руками на фальшборт. Его губы шевелились, словно он произносил какую-то молитву. Ветер за бортом стал стихать, пока не исчез совсем. Корабль, летящий за ними, продолжил движение, но теперь его паруса мешали ему, тормозили его движение.

– Да, так. Как в детстве.

Реган повернул голову на шепот Шайли. Дана увидела, как его лицо исказилось, губы побелели, и он едва слышно произнес:

– У меня не хватает сил. Ничего не получится, я не смогу.

Она почувствовала, как легкий ветерок словно пробирается сквозь стиснутые костяшки пальцев мужчины, как обвисшие паруса отстающего клипера шевельнулись, почти незаметно, но жадно, ожидая настоящего ветра. Она протянула руку и положила ее поверх его ладони. Огонь изливался, словно готов был затопить все вокруг, наполнял Регана, и с его помощью находил, наконец, себе выход, заставляя все вокруг замереть, словно в мертвой тишине.

Даже волны, казалось, исчезли, и только звук мотора не давал ни на секунду перестать верить в реальность происходящего. Судно за ними остановилось и теперь отставало все сильнее. Очередной всплеск в нескольких метрах за кормой выглядел уже как жест отчаяния, они были вне досягаемости корабельных пушек.

Поток пламени давно иссяк, и она чувствовала себя лучше, значительно лучше, чего нельзя было сказать о мужчине. Еще мгновение, и Теренций оторвал его от фальшборта, по одному отрывая стиснутые пальцы, и помог сесть на скамейку. В сторону девушки он кинул только один, короткий взгляд, полный удивления и непонимания.

Удивление захватило ее так же, как эта непонятая энергия минуту назад. Что же это такое было, что бурлило в ее венах и артериях, что заставляло биться сердце с невероятной скоростью? И что позволяло сейчас чувствовать себя такой живой? Ощущение как после секса, только в сто раз лучше. Жаль, что у

нее не было крыльев, она хотела бы взлететь в небо, подняться выше этих туч и взглянуть на землю свысока, так, как должна.

Откуда эти мысли? Она неуверенно покачала головой, прислушиваясь, словно к эху, прилетевшему издалека.

- Так будет.

Да, кажется, этот голос она уже слышала. Или ей кажется, что слышала? Ей вспомнились мамины картины. Взгляд с высоты. И сон. Расправить крылья и полететь...

- Как ты себя чувствуешь?

Голос Шайлы вырвал ее из задумчивости. Лицо женщины действительно выражало только беспокойство, но в глазах, в глазах она смогла прочесть и нечто другое. Восторг? Экзальтацию? Дана еле заметно пожала плечами.

- Мне хорошо.

Глава 7. Реган. Экзотика познания

Порт встретил их огромным количеством людей, бурлящая толпа мужчин, женщин, детей выливалась на пирс через трапы огромного грузопассажирского парохода. Все они были озабочены и испуганы. Толпа, словно в огромной кастрюле, бурлила водоворотом в поисках выхода. Среди растерянных серых красок виднелись темно-синие солдатские мундиры, цепи которых постепенно расчерчивали геометрическими узорами пеструю людскую массу.

- Готы. Беженцы из Византиума. Теперь их будет больше.

Реган оглянулся на слова Теренция с нескрываемым удивлением. Беженцы из центра вселенной?

– Месяц назад персы захватили Тир. Говорят, стены города не выдержали ударов магии. Теперь очередь столицы королевства королевств.

Итальянец отреагировал на вопросительный взгляд простым пожатием плеч. Он помог женщинам сойти на причал. На Дану толпа, кажется, не произвела какого-либо впечатления. Взгляд скользнул по пестрым одеждам беженцев с видимым равнодушием. Шайла, наоборот, остановившись, принялась пристально разглядывать темноволосых широкоплечих мужчин, со страхом прижимающих к себе чемоданы и сундучки.

– Элита. Эти люди еще недавно считали себя повелителями половины Азии. Обычным жителям королевства такое путешествие было бы не по карману.

Стоящий неподалеку мужчина в добротном костюме обернулся на ее слова.

– Власть проходит. Богатство проходит. Я вижу ваши символы, госпожа. Возможно, вы все знаете лучше. Наши маги покинули город. Стоило ли оставаться тем, кто не может ничего сделать? Говорят, когда боги огня гневаются, людям не остается ничего, как только спастись бегством.

Шайла не стала поддерживать разговор. Она достала из сумочки родовую эмблему и приколотла ее на платье Даны. Встретив мужской взгляд, госпожа ректор нахмурилась. Маг видел, что она пытается оценить его отношение к происходящему. Двоюродная тетка всегда пыталась контролировать поступки, планы и желания всех окружающих, ведь она была не только номинальной главой рода, но и главой Академии, формально верховным магом, впрочем, с неплохими шансами остаться последней колдуньей королевства. Хотя, кажется, ей удалось найти себе новых учениц.

– Ведьма! Смотрите – ведьма. В ней – лед!

Мужчина указывал пальцем на Дану. Стоящие рядом с ним люди отшатнулись, пытаясь одновременно отодвинуться как можно дальше и от мужчины, и от девушки с ее спутниками. А сумасшедший не унимался. Он сделал несколько шагов и попытался схватить ее за волосы.

Пошатнувшись, Девона споткнулась и наверняка бы упала, если бы Реган не поймал ее за талию и, хм, другое место. Весьма, надо сказать, объемное и

упругое. Девушка на секунду замерла, а потом вырвалась и совершила совершенно непонятный поступок. Надо сказать, рука у нее оказалась достаточно тяжелой.

Безумец, тянувшийся за девушкой, также потерял равновесие и попал под могучий пинок Теренция. Отлетев на несколько шагов, он рухнул под ноги сразу затихшей толпы.

Щека горела, горели глаза девушки, горели огнем пряди волос, и он почувствовал, что огонь разгорается и где-то глубоко внутри. Странная она, эта предугаданная. Она кинула короткий взгляд в сторону нападавшего и вдруг расхохоталась. Потом приложила руку к его щеке.

– Больно?

Это простое прикосновение совсем не успокоило внутренний огонь, но теперь к нему добавился холод. Ее продрогшие и мягкие пальцы касались щеки едва-едва, но этот огонь бушевал все сильнее. И тут он сделал нечто, чего совершенно не ждал от себя – прижал руку сильнее. А она не попыталась ее вырвать, только слегка наклонила голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Пройдет. У нас говорят “до свадьбы заживет”.

Очень странно, но она говорила, говорила совершенно правильно, без какого-либо акцента. Но только почти шепотом, так тихо, что разобрать ее слова вряд ли смог бы кто-то другой, кто-то, кроме него.

Потом магия прошла, и Дана освободила руку плавным мягким движением, словно оставляя ему шанс задержать эти пальцы в своих. Может быть, он так бы и сделал, но почувствовал на себе взгляд тетки.

Вместе со своим итальянцем она стояла и смотрела, словно не знала, как помешать этой сцене. В глазах Шайлы застыло глубочайшее удивление. А у него в голове крутилась совершенно глупая мысль: “Зачем я отрастил эту бороду?”

– Госпожа Шайла. Господин Реган. Глубокоуважаемый мастер Теренций.

Уверенный, звучный голос принадлежал еще одному незаметно оказавшемуся рядом человеку. Маг не знал его, но других людей в такой же бело-оранжевой одежде с символом живого дерева на толстой цепи, свисающим на грудь, знал очень даже хорошо. И появление этого человека здесь, на пирсе, спустя всего полчаса после прибытия, не обещало ничего хорошего.

– Рад вас видеть, достойные слуги древнего ремесла. Благословляю ваше прибытие в Кельтику. Надеюсь, путешествие ваше протекало спокойно.

Взгляд черных глаз обежал магов, на секунду задержавшись на Дане.

– Я, к сожалению, вынужден много проводить времени здесь, в порту. Вы же знаете, среди остготовов много уверовавших в схизму. Нельзя отказаться от помощи этим несчастным людям с первой минуты пребывания в Королевстве. А вы? Едете в столицу?

Священник кинул еще один взгляд в сторону девушки и добавил:

– Нашли новую ученицу?

Не дождавшись ответа, он улыбнулся и благословил их знаком дерева. Затем наклонился к Дане и прошептал:

– Ты ждешь его? Не думай, он не сможет тебе помочь! Никогда.

Его рука задрожала в нескольких сантиметрах от разлетевшихся рыжих прядей. С видимым усилием мужчина выпрямился, резко повернулся, и толпа поглотила его. Девушка смотрела вслед с открытым ртом. А вокруг воцарилось молчание.

Затем Шайла, глубоко вздохнув, потянула Дану за собой.

– Мне кажется, для первого дня достаточно. Я уже не знаю, кто еще должен появиться здесь, чтобы стало еще интереснее.

Действительно, может быть, стоило ожидать представителей городских властей? Или кто-нибудь из промышленного комитета захочет помочь им добраться до столицы?

Женщины уже успели отойти на десяток шагов, Шайла наклонилась и шептала что-то на ухо Дане. Его рука... Второй раз сегодня он ощущал эту странную силу. И это чувство, кажется, вдохнуло в него новую жизнь. Он посмотрел на свою открытую ладонь. Она была такая же, как раньше. Но что-то изменилось, изменились его ощущения, сила, которая теперь была в этой руке. Неведомая и знакомая.

- Пойдем, дружище.

Теренций раньше называл его "Мальчик мой". Совсем недолго. Спустя несколько лет он объяснил, что сразу почувствовал его силу и понял, что их может связать дружба равных. Хотя это до сих пор казалось странным. Умный, мудрый и сильный Теренций и он, мальчишка. Но слово "дружище" страшно понравилось. Особенно когда его произносил как нечто само собой разумеющееся учитель, который был старше на целую вечность. Реган не знал, как отвечать ему, взрослому человеку, но потом понял. Теренций - было лучше всего.

Годы шли, потом бежали. Но он все равно оставался для итальянца "дружище". Конечно, не на занятиях в академии. Хотя большую часть занятий они проводили вдвоем. Теперь римлянин был мастер-учитель. Но вечерами, когда исследования перетекали в столичные кабачки, мастер был для него просто Теренцием. А сам он оставался тем, кем был.

И прозвучавшее сейчас слово было очень кстати.

- Она не отсюда. И ничего не понимает.

Да, она, может быть, и не понимает. Но для того, чтобы создавать реальность, ей не нужны слова.

- Ты не понимаешь. Она...

- Мы едем в Академию. В Академии во всем разберемся.

Реган взглянул на римлянина с досадой. Как он может быть слеп? Неужели ничего не замечает? Или его это не касается?

– Едем, Реган. Едем.

И то, что в этот раз назвал его по имени, успокоило. И они поспешили вслед за своими дамами.

Не без труда прорвавшись через оцепление, где все-таки потребовалось предъявить документы, подтверждающие их принадлежность к магическому сообществу, мужчины догнали дам уже у самого экипажа. Унылый кучер что-то вяло переспросил у Шайлы, но потом все-таки нашел в себе силы спуститься на землю и помочь женщинам подняться в фиакр.

Почти запрыгнув в экипаж, маги разместились напротив своих спутниц, и через минуту повозка медленно потащилась по каменной мостовой. Реган с удивлением отметил, что Шайла нервно кусает губы, видимо, встречи на пирсе не пришлось ей по нутру. Зато Дана удивила, она продолжала улыбаться и с удовольствием рассматривала дома и людей вокруг, время от времени загадочно посматривала в его сторону.

Честно сказать, показалось, что все произошедшее девушка рассматривает просто как развлечение, и ни большое скопление народа, ни инциденты, случившиеся несколько минут назад, не только не испугали ее, а, наоборот, развеселили, заставили сбросить скованность и странную ауру растерянности.

– С тобой все нормально?

В ответ она радостно закивала головой и отвернулась, но через секунду он заметил, что она искоса поглядывает, прикрываясь рукой, поправляя рыжие и русые пряди. Кажется, она искренне радовалась произошедшему.

Экипаж медленно передвигался, подсакивая на булыжной мостовой. В затянувшемся молчании он наконец постарался обдумать то, что произошло в море. Все это было не зря. Корабль без флагов, вымпелов и гюйсов совершенно определенно хотел захватить их. Им, магам, угрожали. И что же? Скорее всего, этим неизвестным удалось бы остановить их катер, ведь сил уже не почти не оставалось. И эти неизвестные злодеи об этом знали. Да, так бы все и случилось. Если бы не Дана.

Он был совершенно уверен, что необыкновенный прилив давно забытой энергии был связан именно с этой девушкой. Вполне возможно, что она была источником всего этого позитива, этой силы. Хотя он и не очень понимал как. Шайла сказала, что они во всем разберутся в Академии. Они будут ее изучать? Бред какой-то. Изучать, что может произойти после того, как явившаяся из ниоткуда девушка наматывает пряжу огненного цвета на палец. И все же... Та сила, могущество, которое он ощутил после того, как она положила свою маленькую руку на его ладонь, там, на море. Возможно, если бы захотел, утопил этот корабль. А что ощущала в тот момент эта... красотка? И что ощущает сейчас?

Так они ехали по мостовой, и портовые пакгаузы сменились доходными домами с дымящими трубами, а затем все чаще стали попадаться лавки с яркими вывесками и гуляющие по улицам хорошо одетые люди. Фиакр выехал на широкий бульвар и прибавил хода, время от времени подпрыгивая на булыжной мостовой. Кучер начал погонять лошадей.

А Дана по-прежнему крутила головой, рассматривая все вокруг. Ее щеки разругались, глаза засверкали. Шайла смотрела на нее, не отрываясь, словно это поведение девушки должно было принести некую разгадку. И она, и Теренций, безусловно, не хуже его самого чувствовали происходящее и изо всех сил старались не показать вида. Лучше всего это удавалось Теренцию. Здоровяк откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Ректор Академии и глава гильдии, рода и еще боги знают чего побледнела и опустила глаза. Видимо, она уже чувствовала, сколько неприятностей ей принесет эта девушка.

Наконец экипаж остановился. Ну что же, это гораздо лучше. Вокзал. Значит, они поедут сразу в Лугдунум без каких-либо остановок. Может быть, и хорошо, что они не заедут в Лютецию, новая административная столица не вызывала положительных чувств, кроме того, встретиться с автором письма в белом конверте он совершенно не желал. С другой стороны, дорога предстояла достаточно длинной и весьма утомительной.

У входа в кирпичное здание их ожидал господин, нетерпеливо вышагивающий взад-вперед. Завидев Шайлу, он демонстративно извлек из кармана часы и, открыв крышку, соорудил такую мину, что Реган невольно прибавил шагу.

– Госпожа! Время! Квадранс! Осталось только пятнадцать минут!

Шайла нахмурилась, и в это время куранты на башне вокзала с торжеством принялись вторить словам мужчины. Женщина сделала неопределенный жест в сторону спутников и буквально поволокла за собой Дану, которая хотела, кажется, повнимательнее рассмотреть необычные архитектурные изыски вокзала. Девушка словно впитывала окружающее, хотя неясно, что же вокруг было таким привлекательным. Привокзальное пространство заполняли старые здания, кафе с деревянными столиками и выцветшими скатертями, фиакры, выстроившиеся в ряд, лошади которых, помахивая хвостами, отгоняли мух, два гельвета с алебардами. В общем-то унылая провинциальная картина.

- Кому, кому я должен отдать жетоны? Господа маги, время уходит.

Теренций с объемистым чемоданом в руках кивнул в сторону Регана и прибавил шагу. А бывший отшельник вынужден был остановиться. Логистик едва заметно склонил голову и сунул в руку мужчины четыре восьмиугольных металлических жетона.

- Поезд на Лион с правой стороны. Поспешите!

Маг развернулся и поспешил ко входу в вокзал. Спутники уже скрылись из виду, и стоило поторопиться, но прямо у дверей его самым бесцеремонным образом задержали два человека в серо-черной одежде. Мимо решительным шагом почти пролетел широкоплечий, черноволосый молодой человек. Поравнявшись, он на секунду притормозил и оглянулся. Его взгляд... В нем было нечто, заставившее Регана лихорадочно начать шарить на поясе в поиске родовой шпаги. Взгляд черных глаз, темных и загадочных, уловил это совершенно машинальное движение, и его еле заметные зрачки расширились, в них как будто отразились багровые закатные блики.

Магия, его аура была насыщена силой! Темной силой, непроницаемой для взгляда. Совершенно чуждой и непонятной. За все время обучения, да что там, за время путешествий не встречалось даже намек на такое! Пожалуй, сложно было даже представить, что подобное может существовать.

Незнакомец небрежно кивнул и исчез за дверью. Секунду спустя двоица серых здоровяков последовала за ним. Реган в каком-то ступоре глупо пялился на захлопнувшиеся двери, и только далекий свисток локомотива заставил очнуться и броситься бежать.

Глава 8. Дана. Слезы предназначения

Честно говоря, это приключение нравилось ей все больше и больше. Сидя сейчас на мягком диване и время от времени покачивая головой в ритм перестука колес, она вспоминала события, произошедшие сегодня, и непроизвольно сжимала и разжимала руки. То, что она пережила на корабле, эту непонятную угрозу, первобытный, необычайный страх, внезапно воплотившийся в силу мужчины, силу, позволившую остановить угрозу. Остановить с ее помощью. Девушка была уверена в своей причастности к этому, она даже ощущала радость от внезапно обретенного могущества. И эти же чувства она подарила мужчине. Что-то в ней появилось здесь, в этом мире.

Дана чувствовала, что это нечто было в ней и сейчас, более того, этим чувством она готова была поделиться с Реганом еще раз. И еще. И самое главное, она ощущала, именно ощущала, что он тоже испытывал восторг, наслаждение от того, что мог принять эту энергию. Вот он, за тонкой перегородкой сидит в соседнем помещении и всем своим существом впитывает, сам того не подозревая, нечто неуловимое, нечто, чем она обладает.

А потом эта площадь, люди, которые пытались ее напугать, но боялись еще сильнее. Власть, странная власть, но ей было на это наплевать. Не наплевать было на то, как она почувствовала себя в руках этого молодого человека, мага. Чувствовать дрожь мужчины, который случайно коснулся ее груди, это было великолепное, фантастическое чувство. Не хуже того, которое она испытала на корабле. Он был влюблен. Да, возможно, ей хотелось верить. И его глаза после пощечины! Пускай Шайла прочитала ей целую лекцию на тему того, что непозволительно так поступать с наследником рода. Она так поступила! И он смотрел на нее!

А еще все вокруг: этот город, эта повозка, этот поезд, этот паровоз! Она не была в отпуске три года. И сейчас впечатления просто переполняли ее. Эти клубы пара, дыхание машины, то, что, пожалуй, она никогда не смогла бы увидеть дома. Она путешествует!

Такое своеобразное путешествие в рамках реалити шоу!

Оглянувшись, она некоторое время рассматривала свою спутницу. Кажется, Шайла спала. Во всяком случае, глаза ее были закрыты, и дышала она спокойно и размеренно. Сейчас можно будет наконец побыть одной. По-настоящему. Она вышла в туалет. Какой у них классный вагон! С отдельным санузелом.

Все здорово, но совершенно непонятно, и от этого временами страшно. Вопросы, которые ей задавала колдунья, ставили в тупик, и собеседница, сжав тонкие губы, едва скрывала неудовлетворение ответами. К счастью, мужчины в этом допросе не принимали никакого участия, они сразу же сбежали в соседнее купе, оставив ее на растерзание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/grinevich_polina/s-kazhdym-udarom-serdca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)